

Татьяна МИРОНОВА

КРЕСТ И МЕЧ

Москва
2008

Посвящение

Эту книгу я посвящаю своему сыну Ивану Миرونору. Находясь в тюрьме, обвиненный в покушении на Чубайса, он проходит тяжелые испытания, в которых я как мать ничем не могу ему помочь. В моих силах лишь вдохновить и укрепить его тем, над чем многие годы я думала и работала.

Десять лет, как в монашеском послушании, я провела за переписыванием древнейшего славянского Евангелия — Архангельского Евангелия, рукописной книги, датированной 1092 годом, — для его научного издания. Изучала Евангелие как лингвист, а вышло — как христианка. Потом — университетский учебник «Церковнославянский язык», выдержавший несколько изданий, докторская диссертация, посвященная древнейшей славянской письменности и еще несколько монографий и учебников на те же темы. Думаю, что все это дает мне право говорить здесь о русском и славянском языках вот так — просто, доступно, без лишней зауми, чтобы высокая наука смогла послужить как моему сыну, так и другим православным русским людям, вступающим ныне на воинский путь Православия. Мне глубоко убеждение, что в этом пути — наше спасение.

КАК ИСТРЕБЛЯЮТ ВОИНСКИЙ ДУХ ПРАВОСЛАВИЯ

Обращаясь к тягчайшим вопросам нашего времени — гибели народа выморочными, иссушающими нацию темпами, — мы повсюду находим даже у осознающих национальную катастрофу русских людей расслабление духа и воли, сумятицу в головах, смятение в душах. И что всего горше, расслаблению и обезволиванию подвержены русские православные люди, казалось бы, неустрашимые и всеильные Верой во Христа Господа, осознающие неизбежность Страшного Суда, перед которым все иные страхи — ничто.

Вникая в истоки нынешней православной «зачарованности» и бессилия, что не позволяют ныне русским людям отстоять свое Отечество от нового нашествия двенадцати языков и духовного жидовского ига, явственно видишь попытку врага рода человеческого замутить, исказить исконные представления русских о Вере и своем долге по отношению к Господу и России. Замутнение и искажение Веры началось с малого — с перемены значений русских и славянских слов, обозначавших ключевые понятия русского православного самосознания. Восстановим исконные смыслы и вернем себе тот воистину Дух воинства Христова, вдохновлявший более тысячи лет наших предков строить и защищать Великую Русскую Православную Державу, именуемую Россией.

Иудео-христианство под маской православия

Первые христиане — апостолы получили учение от Самого Господа Иисуса Христа. Это учение затем было воплощено в Четвероевангелии и передано всем христианам. Поэтому

вслед за Отцами Церкви мы можем с уверенностью полагать Евангелие своим духовником, и в случае, когда вблизи нет мудрого священника, не скорбеть об отсутствии учителя, ведь Священное Писание и слова Самого Господа всегда перед глазами. Другое дело, что читать Евангелие трудно, оно бескомпромиссно утверждает для нас такие правила и принципы жизни, которые не всякий в силах понести. А батюшка — свой, родной, жалостливый, да и сам не совершен сый, — всегда войдет в положение слабого духом «пасомого», оправдает грешника, утешит, убаюкает его больную совесть. Так множество людей годами ходят в Церковь, исповедуются, причащаются, в глаза не видев слов Евангелия, даже не представляя, какие жесткие требования хранит оно в себе. Разумеется, на службах они слышат **«Святого Евангелия чтение»** и затем в священнических проповедях внимают истолкованию этих чтений. Только вот не всякий священник хочет поднимать на проповедях вопросы, которые слишком суровы для паствы и могут отпугнуть человека, не готового к духовной борьбе в силу его природных слабостей и мирского воспитания. А Евангелие, — Оно зовет на борьбу со злом, Господь призывает быть воином Христовым. На литургии нам об этом напоминают: **«Блаженни слышащие слово Божие и творящие»**. Отец Паисий Святгорец очень точно приложил эти слова к нашим современникам: «Православно думать легко, но для того чтобы православно жить, необходим труд... Цель в том, чтобы православно жить, а не просто православно говорить или писать».

Нас ныне атакуют идеей единства иудаизма и христианства, настаивают, что иудеи — старшие братья христиан, их Тора (весь Ветхий Завет без изъятия) является священной книгой православных. Все чаще христианство пытаются именовать **иудео-христианством**, а попутно изымают из нашей Православной Веры то, что непримиримо разводит религию иудаизма с христианством, прежде всего — Евангельские тексты, где Господь Иисус Христос выносит приговор еврейскому народу, где говорится о крестных страданиях Господа от иудеев и о Его Распятии жидами. Православные христиане сознают невозмож-

ность соединения иудеев и христиан, ведь оно неизбежно ведет к попранию христианских святынь. Иудеи, как известно из их главной книги — Талмуда, обязаны проклинать Господа Иисуса Христа, поносят Божию Матерь, а неиудеев полагают равными животным. По сути же иудео-христианство — никакое не христианство, а иудаизм, приспособленный для христиан. В этой «версии» иудаизма для гоев нас убеждают в том, что иудеи — наши «старшие» братья по вере, нас принуждают признавать иудеев богоизбранным народом, не утратившим своей избранности, и смиряться перед злом, которое они несут христианским народам, а также чтить весь Ветхий Завет как книги Священного Писания.

Так отнесемся же к Евангелию как к своему духовнику, будем читать его так, как полагается христианину, по главке, по кусочку, будто каждый день ходим за советом к старцу; будем постигать Евангелие шаг за шагом, обдумывая, соизмеряя со своей немощной совестью, укрепляя и воспитывая ее, буквально **воспитывая** — то есть напитывая свою душу Евангелием, — вот тогда начинается подлинный труд и подлинное духовное взросление. И никто не сможет нас тогда убедить в истинности так называемого иудео-христианства.

О сопротивлении злу силой

Отче наш, — обращаемся мы в данной нам в Евангелии молитве Господней к Богу, удостоенные чести называть Его своим Отцом.

Отче наш, Иже еси на небесех. — Так христианин исповедует свою непреложную Веру в Бога Истинного, которая потому и Верой именуется, что не требует доказательств.

Да святится Имя Твое, — любовь выражена в этих словах, приносящих славу Имени Божьему.

Да придет Царствие Твое, — надежда на спасение душ наших звучит здесь. А у слова *надежда* есть удивительный древний смысл: как *одежда* — покров телу, так *надежда* — Божий покров человеческой души, без которого не выжить.

Да будет Воля Твоя, яко на небеси и на земли, — премудрость Божия превозносится в этих словах — коренных словах Господней молитвы, и что очень важно — когда мы молимся о воле Божией на земле, как на небе, тем самым полагаем себя орудием этой воли, не пассивными созерцателями творимого на земле зла, а поборниками Божьей правды, без которой мир погибнет.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь, — так выражаем мы верность добродетели воздержания — христианскому аскетизму.

И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим, — здесь сказано о нашем долге покаяния, искупления своих грехов и готовности прощать грехи ближнего.

И не введи нас во искушение, — здесь христианин оглашает свою твердость стояния в Вере, свою готовность добровольно нести свой крест, ибо вольно следующему за Господом не требуется *искушений*, то есть испытаний, ведь *искушать* значит *пробовать, испытывать*. Прощение: **Не введи нас в искушение, Господи,** означает, что мы и так уже, без проб и испытаний, несем крест свой вслед за Христом. Если же встречаем искушения в жизни, не в знак ли того, что уклоняемся от креста своего?

Но избави насъ от лукаваго, — Кто назван *лукавым* в Молитве Господней? Русский язык придал этому слову игривый, нестрашный смысл. А ведь *лукавый* — имя сатаны, в слове *лукавый* выражена идея *искривления прямого пути* к Господу. Корень слова **-лук-** есть в русских словах *излучина* (поворот реки), *лук* (изогнутое оружие). И мы просим Бога в последних словах молитвы Господней избавить нас от сатаны, кривителя нашего пути к Богу.

Для нас, православных, молитва **Отче наш** является исповеданием нашей Веры в Бога, утверждением нашего долга отстаивать правду Божию на земле, именно отстаивать, то есть непримиримо воевать со злом. Так почему же сегодня Православное христианство в России предстает в облике эдакой овечьей уступчивости, с помощью которой, как уверяют нас, только и можно победить зло. В подтверждение обычно приводят слова Господа Иисуса Христа: **«Аз же глаголю вам не противитися злу. Но аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему**

и другую» (Мф. 5, 39). Почему-то эти слова выдаются за единственно верный закон жизни христианина, а сопротивление злу силой рассматривают чуть ли не как покушение на Божьи Заповеди. И у человека, ищущего Веры, стремящегося справедливость и милость Божию водворить по образу небес в своей земной жизни, возникает естественное недоумение — ведь повелением «подставить щеку» его призывают уступать дорогу злу. А что такое душа, привыкшая все время уступать дьявольскому вражьему натиску? Это душа без силы творить добро. Это душа — без воли следовать за Господом. Не христианин, пустое место!

В подспорье идее непротивления злу обычно приводят и другие слова Господа Иисуса Христа своему ученику, кинувшемуся с мечом на пришедших иудеев: **«Возврати меч свой в место его. Все бо приемши меч, мечем погибнут»** (Мф. 26, 52). Толкуют так, что у православного руки опускаются в бессилии. Заглянем в Толковую Библию, читаем у толкователя: «Христос, произнося свои слова, запретил всем людям иметь меч и употреблять его в качестве *защиты* или производства насилия». Перед нами пример наглой лжи, дьявольски расчетливо нацеленной на обессиливание, обезволивание христиан, на воспитание из них покорного стада для будущего пастуха — Антихриста.

Ложь в том, что слово **приемши**, а еще в этом чтении встречается и слово **вземши**, по-церковнославянски и по-русски не означают просто взять, они означают *взять первым, начать*. Сравним русское выражение *приняться за дело, взяться за дело* — они значат *начать работу*. Греческое слово, соответствующее этим славянским в оригинале Евангельского текста, имеет такое же значение — *поднять оружие первым*. Вот и **приемший меч** — тот, кто взял его *первым, напавший с оружием*, и такой человек, по слову Господа и по свидетельству нашей истории, непременно от меча и погибает. Бог не дает победы агрессору. Русская поговорка в подтверждение Евангельских слов гласит: «На начинающего — Бог».

Правда же в том, что Господь запретил нам такое противление злу силой, которое выступает как личная месть нашему

личному врагу. Врагам же Божиим и врагам Отечества — силе сатанинской — не противиться есть грех великий, ибо это нарушает две главные заповеди Христовы: заповедь любви к Богу и заповедь любви к ближнему. Евангельские слова об оружии и вооруженном сопротивлении злу намеренно замалчивают сегодня, хотя они-то как раз и являются для нас законом противодействия врагам именно силой. Накануне смертных Своих Страданий Господь Иисус Христос заповедует ученикам быть готовыми к тяжелым временам *без Него* на земле, и непременно вооружаться, и у кого нет денег, — **«да продаст ризу свою и купит нож»** (Лк. 22, 36). И пусть никто не смеет перетолковывать буквального смысла этой святой непреложной для всякого христианина заповеди! Вооруженная героическая борьба за Христа, против христоненавистников и богоборцев освящена Самим Господом.

Наше Русское Православие искони понимало необходимость меча, разящего врагов Божиих. Потому и первый из Архангелов Михаил предстает на иконах вооруженным мечом, воюющим. Потому и народ наш взял в герб свой Святого Георгия Победоносца в образе воина, ожесточенно сражающегося с драконом. Наши благоверные князья Александр Невский, Дмитрий Донской, святой воин Илья Муромец, святой флотоводец Федор Ушаков, шедшие против врагов Отечества огнем и мечом, прославлены во святых не за кротость и смирение перед агрессорами, но за священную решимость побивать врага. Не только города Святой Православной Руси, но и монастыри русские, их насельники, постриженные в ангельский образ, становились, подобно воинственному Архангелу Михаилу, оплотом истребления вражьих сил, как это было в Смутное время, когда Свято-Троицкая Сергиева обитель продержалась в польской осаде, в кольце 15-тысячного войска, год и три месяца, потеряв две трети своего воинского монашеского гарнизона.

Крест и меч, милосердие и мужество составляют монолит Православной Веры, который сегодня стремятся расколоть, расшатать, разрушить, обезоруживая христиан хитроумными разглагольствованиями, убеждая их в пагубности воинского подвига для христианской души.

Излюбленная тема псевдохристианских проповедников — о мире всего мира, ради которого нас опять-таки призывают не прикасаться к оружию, стать толерантно вежливыми, улыбочиво единомысленными — ведь это же ради мира на земле! — со всеми врагами Христа и нашего Отечества. Да разве единомыслие всегда одинаково благо? По слову святого Иоанна Златоуста «и разбойники между собой бывают согласны». Но лишь тогда «по-настоящему водворяется мир, — утверждает святитель Иоанн, — когда враждебное отделяется».

Христос жестко полагает перед нами свое слово именно о разделении, а не единении мира. Господь предупреждает нас: **«Приидох вовери не мир, но меч»** (Мф. 10, 34). Меч — по-славянски значит *рассекающий, разделяющий* добро и зло, творящий насилие властью, Богом данной, меч, водворяющий добро на земле и поражающий злобу, — вот священное оружие православных. «Ведь и врач, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — тогда спасает прочие части тела, когда отсекает от него неизлечимый член». Только поразив огнем и мечом врагов Господа, выгнав со своей земли врагов Отечества, мы водворим подлинный мир в России, только тогда можем стяжать истинно дух мирен, спасая тысячи и тысячи наших ближних — православных братьев христианской уступчивостью и любовью.

Не всякая власть от Бога!

Сегодня многих русских, осознающих, что над Россией царит иноверческое иудейское иго, пожирающее русский народ, смущает и останавливает в их праведном гневе и мужественном сопротивлении расхожая христианская формула со ссылкой на апостола Павла *«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению»* (Рим. 13, 1-3). Вот так, дескать, что заслужили, то и послал Господь, теперь терпите. И противятся этому люди православные всей душой, и понимают, что слова эти против здравого смысла и даже простейшего инстинкта

самосохранения, и сознают, что покорство властям, убивающим и растлевающим наших детей — это самоубийственное безумие, а вот терпят, Бог-де велел.

Разрушительное для нашего сознания «правило» это всего лишь неправильный русский перевод Св. Писания, перевод, лукаво подсунутый нам как фундамент наших православных воззрений на власть и государство, внедренный давно, в пору масонских переложений Св. Писания на русский язык Библейским Обществом в XIX веке.

Давайте по первоисточнику — церковнославянскому тексту Нового Завета восстановим действительный взгляд Православия на власть.

У апостола Павла в Послании к Римлянам дается формула, которая по-русски обычно действительно переводится так: *Нет власти не от Бога*, или еще более обобщенно: *Вся власть от Бога*. На этом и зиждется ложное предписание якобы христианской покорности любым! властям — безбожным, богоборческим, иноверным, губящим народы. Но ведь в церковнославянском тексте не так сказано. Здесь изречено **Нестъ власть, аще не отъ Бога, сущия же власти отъ Бога учинены суть**, что означает буквально — не власть, *если* не от Бога: то есть — не признается властью власть, если она не от Бога. Подлинные власти от Бога учреждены! Слово **сущий** здесь означает именно *подлинный, истинный, настоящий* — сравните старинное русское выражение «сущая правда». И греческий текст-первоисточник имеет точно такой же смысл, и точно такую же подчеркивающую важность условия форму: *εαν*, что значит — *если*.

Следовательно, не всякая власть от Бога и не всякой власти следует покоряться, а только власти, учрежденной Богом, христианской, а потому подлинной. И только противление таким властям считает святой апостол Павел противлением Божьему повелению. Таково исконное представление Православия об отношении к власти, а будь оно иным, то никогда бы русские не одолели ни ига татарского, ни натиска польского, ни нашествия французского, ни вторжения немецкого. Это же православное неприятие антихристианской богоборческой и руссконенавистнической власти должно одушевлять нас и ныне на восстановле-

ние в России власти христианской, православной, подлинной власти, от Бога установленной.

Православное сопротивление безбожной власти благословляется Господом, уничтожившим страх перед властителями: **Егда же приведут вы на сборища и власти и владычества, не пещитесь, како или что отвещаете или что речете: Святыи бо дух научит вы в той час, яже подобает рещи** (Лк. 12, 11). Это и по сей день остается непреложным правилом православного человека, для которого служение Богу безусловно выше служения властям. И действует он так, как поступали св. апостолы, преследуемые гонителями от власти. Об апостолах Петре и Иоанне в книге Деяний святых апостолов рассказывается, что тогдашние власти призвали их и велели не проповедовать Имя Христово, на что святые апостолы отвечали: **Аще праведно есть пред Богом вас послушати паче нежели Бога**.

Русская Православная Церковь всегда следовала этим заветам. Вот слово о власти св. прп. Иосифа Волоцкого, победителя ереси жидовствующих: «Царь есть Божий слуга, для милости и наказания людей. Если же царь царствует над людьми, а над ним самим царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего неверие и хула, такой царь — не Божий слуга, но дьявол, и не царь, но мучитель. И ты не слушай царя или князя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству, даже если он будет мучить тебя или угрожать смертью. Этому учат нас пророки, апостолы и все мученики, убиенные нечестивыми царями, но не покорившиеся их повелению. Вот как подобает служить царям и князьям» («Просветитель», Слово седьмое).

И эти слова на Руси не расходились с делом. Св. прп. Сергей Радонежский благословил св. князя Дмитрия Донского сражаться против ордынской власти, а св. прп. Иринарх Переяславльский призвал к себе князя Дмитрия Пожарского и обещал Божью помощь в изгнании польской власти из Кремля. Уже в двадцатом веке св. патриарх Тихон, как св. Гермоген в польско-литовскую интервенцию, рассылает народу призыв к сопротивлению большевистской власти: «Скажи народу, что если они не объединятся и не возьмут Москву опять с оружием, то мы

погибнем, и Святая Русь погибнет с нами». К сопротивлению безбожным большевистским властям призывал тогда и архиепископ Андроник, священномученик Пермский, впоследствии замученный большевиками: «Умоляю всякого русского, кто еще хоть малость сохранил Веру в Бога и любовь к многострадальной и погибающей Родине, умоляю всякого встать на защиту Церкви и России». На допросе священномученик Андроник лишь одно сказал чекистам: «Мы враги открытые, примирения между нами не может быть. Если бы не был я архипастырем и была необходимость решать вашу участь, то я, приняв грех на себя, приказал бы вас повесить немедленно».

Святители Гермоген, Тихон, Андроник противились властям инородным, иноверным, безбожным и за то обрели от Господа венцы мученичества. Так почему же, имея в нашей Церкви великие примеры стояния в Вере к Господу и любви к нации, мы должны мириться сегодня с властью чужеродных безбожных властителей?!

В годы большевистских гонений дана была молитва о спасении России: **«Господи Иисусе Христе, Боже наш, прости беззакония наша. Молитвами Пречистыя Твоея Матере спаси страждущия русския люди от ига безбожных власти. Аминь».**

Возможно ли было молиться об этом нашим предкам, если бы они верили, что коммунистическая власть — «от Бога»? А как быть тогда с властью антихриста, его, стало быть, тоже придется признать «божьим слугой»? А ведь нас и готовят покориться власти антихриста, и обосновывают это изо всех сил при помощи лжетолкований. Да не будет! Будем помнить подлинные слова св. ап. Павла **«Несть власть, аще не от Бога»**, что значит — **Не власть, если не от Бога**. И будем действовать сообразно этим словам.

Есть и эллины и иудеи!

Сегодня принято объяснять православным, ссылаясь на св. апостола Павла, что христианство уничтожает национальные различия, что, дескать, во Христе нет ни эллина, ни иудея. Но

вот как звучат эти слова у самого святого апостола Павла: **«Все бо вы сынове Божии есте верою о Христе Иисусе. Елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Несть иудей, ни эллинъ, несть рабъ, ни свободъ, несть мужеский пол, ни женский, вси бо вы едино есте о Христе Иисусе»** (Гал. 3, 27).

Как видите, напрасно нас убеждают, что эти слова апостола о том, что Господь Иисус Христос отменил понятие о народах. Тогда он отменил социальные различия — «несть ни раб, ни свободъ», тогда надо говорить и об «отмене» различий между мужчинами и женщинами — «несть мужеский пол, ни женский». Апостол же Павел говорит только о том, что через Христа могут быть спасены все народы, независимо от того, пребывали ли они в иудействе или в язычестве (именно язычники именовались *эллинами*), что Христом спасутся люди всякого социального положения, как мужчины, так и женщины.

Наш же инстинкт национального самосохранения через усиленную пропаганду извращенного понимания апостольских слов сегодня крепко связан, просто скован так называемым христианским интернационализмом. Напрочь отбито у русских людей исконное чутье к своим врагам, природный инстинкт, который не чужд даже овце и заставляет ее держаться своего родного стада и слушаться вожака, чтобы не попасть волку в зубы. Призывы к восстановлению русского национального самосознания, русского православного воинского духа часто пресекаются категоричным возражением хитроумных богословов, что-де апостол Павел утверждал, что во Христе нет «ни эллина, ни иудея».

Но, повторим, святой апостол говорил, что для язычника-эллина и еврея-иудея — для них открыт путь ко Христу! Православное же христианство всегда мыслило именно этническими категориями. Оно никогда не было тиглем, переплавлявшим народы в единую безнациональную массу, напротив, оно противилось этому, предвидя, что безнациональные человеческие массы легко покорятся царству Антихриста. Загляните в Священное Писание. Псалтырь глаголет: **«Воцарися Бог над языки»** (Пс. 46, 9). Евангелие гласит: **«И на имя Его языцы уповати имут»** (Мф. 12, 21). К народам обращены в истории

и Божий гнев, и Божия любовь, и Божие попечение. Народ — это Божье стадо, одухотворенное Верой, соединенное наследственностью, наделенное языком. Но все социальные теории, когда-либо проникавшие в Россию, нацеливались на одно — на разрушение русского национального единения. Интернационализм коммунистический сражается за классовые ценности, терзая нацию в клочки воюющих классов. Интернационализм демократический ратует за общечеловеческие ценности, растворяя нацию в кипящем вареве общечеловеков. И вот теперь, когда очевиден губительный смысл этих теорий, нас пытаются приручить мнимым христианским интернационализмом, который внушает русским уничижение перед другими народами. При этом намеренно забывают, что Спаситель учил различать народы враждебные и дружественные Ему: **И соберутся пред Ним вси языци, и разлучит их друг от друга, яко же пастырь разлучает овцы от козлищ** (Мф. 25, 32). Все постановления Церкви шли в согласии со Словом Господа. По второму правилу IV Вселенского Собора христианам нельзя лечиться у евреев и принимать от них подарки. Мера благоразумно защитительная от целого народа, признанного христианами богоотверженным согласно Христовой заповеди о нем в Евангелии: **Вы отца вашего дьявола есте, и похоти отца вашего хотите творити** (Ин. 8, 44).

Русское Православие всегда различало народы враждебные и дружественные христианской Истине. Оно устами митрополита Иллариона благословляло рассеяние иудеев: «И рассеяны были иудеи, да не вкупе злое пребывает» (1051 год). Русское Православие словом Серапиона епископа Владимирского обличало монголо-татарских завоевателей: «И навел на нас Господь язык немилостив, язык лют, язык, не щадящий красоты юных, язык, не жалеющий возраста детей...» (1223 год). Русское Православие грамотами патриарха Гермогена призывало русских «дерзать на кровь», «идти на литовских людей» (1610 год), оно словом святого праведного Иоанна Кронштадтского предупреждало: «Помните, не будет Самодержавия — не будет России, заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас» (1908 год).

Но почему теперь мы не слышим от наших святителей подобных слов, ведь в России еще в 1998 году смертность достигла уровня смертности страны, ведущей боевые действия, и с той поры гибель народа только возрастает, и виновники этой гибели Ельцин, Чубайс, Гайдар, Абрамович, Кириенко, Березовский, Путин, Фрадков, — несть им числа — люди не русские, у них у всех отчетливо иудейское лицо.

А нам затыкают рты тем, что дескать нет для православных ни эллина, ни иудея. И вот уже митрополит Кирилл на Всемирном Русском соборе озвучивает убийственную сегодня для русских идею, цитирую: «В глубине наш русский народ никогда не разделял нетерпимость к другим народам. Наш русский народ был готов подобно Христу проявлять свое **истощение** (кенесис) ради других народов». Знаете, что такое *истощение*? Это опустошение, когда оболочка вроде бы есть, есть имя *русские*, есть какие-то люди, еще не чурающиеся этого имени, а силы в них нет, нет жизни, нет будущего. Добровольное истощение — страшный приговор! Да еще утверждаемый иерархом Церкви от священного имени Господа. Это означает, что мы должны считать нормальным, когда на наших глазах чужеземцы вытаскивают кровь из наших родителей, из наших детей, а мы должны молчать, полагая свое молчание христианским долгом проявлять свое истощение перед другими народами. Воистину опасен тот пастух, который волку друг. О ком же пекутся такие пастыри — о сытости волков или о целостности стада?

Православное учение обязывает русского человека стоять именно «за други своя», за православных братьев до смерти. Во все века русской истории христианин-воин исповедовал принцип: «Смерть в бою — дело Божье». И если задуматься, каков должен быть русский человек — носитель православного воинского духа, то вот перед нами череда исторических примеров и образцов для подражания. Святой благоверный князь Александр Невский, названный в народе Солнцем Земли Русской и изображаемый на иконах с мечом, святой благоверный князь Дмитрий Донской, другой наш святой меченосец Феодор Ушаков, морской адмирал, заповедавший: «Врагов не считать надо, их надо уничтожать». Святой-великомученик Николай Второй,

Царь великой воли и мужества, вопреки утверждению иудеев, совсем не исповедывавший терпения и смирения перед врагами Отечества. Что в них, помимо безупречной нравственности и высокой религиозности удостоено почитания народного? Твердая воля и готовность дать отпор всем врагам Православия и русского народа, в котором единственно и сохранялась нерушимо Православная Вера.

Вдумайтесь в смысл русского христианского национализма: **защищать русскую нацию от гибели значит прежде всего защищать Православие, только среди русских бытующее еще неповрежденным.** Сойдет русский народ с исторической сцены, и не станет живительной среды для Православного христианства. Потому святых воителей Земли Русской и отличала всегда любовь к *искренним* своим, людям кровно одного корня, вскормленным из одного духовного источника.

Приходится признать, что прежним русским героям было несравненно легче, чем нынешним, ведь Русская Православная Церковь благословляла их на меч за други своя. Ныне же нас призывают к *истощению*, то есть к национальному самоубийству. Истощение русского народа — это истощение Православия. Не станет русских на земле — не станет в мире последнего оплота Православия. Вот в чем религиозный мистический смысл спасения русской нации от окончательного ее истребления иноверцами и инородцами.

О книжниках и фарисеях

Понятие «фарисей» прочно вошло и в русский язык, и в русскую культуру. Даже не читавшие Евангелия люди знают, что это синоним притворщика и лицемера, человека, примеряющего себе «чужие лица» и скрывающего при этом свое подлинное лицо. Истоки фарисейства лежат в иудаизме, в религиозных верованиях и обрядовых представлениях еврейского народа, которые обличил и отверг, пришед на землю, Господь Иисус Христос. Суть фарисейского духа в том, что из религии изымается стержень искренности, поклонение Богу превращается

в пустой обряд, в холодный ритуал с дотошным выполнением мелочей без горячей молитвы, следовательно, без подлинной Веры.

Господь жестко посрамил книжников и фарисеев, слова Его из Евангелий от Матфея, Марка, Луки стали нашим руководством в отношении к иудеям, не принявшим Господа и распявшим Его, в отношении к нашим собственным православным церковнослужителям и мирянам, к тем, кто по неверию своему принимают дух фарисейства, фактически — жидовства.

Господь начинает свою речь словами **На Моисеевом седалищи седоша книжники и фарисее** (Мф. 23, 1), обличая книжников и фарисеев, что они самовольно заняли место пророка Моисея и присвоили себе исключительное право учить народ еврейский Закону Божию, истолковывать смысл этого закона, выдавать свои собственные измышления за божественные установления. Как эти слова актуальны для нас сейчас!, когда наши сегодняшние «книжники и фарисеи» втолковывают нам, что вся власть от Бога или что священноначалие непогрешимо. От гордынного желания навязать свой закон вместо Христова учения пало католичество, неужели и мы идем по тому же пути?

В другом обличал фарисеев Господь, что не выполняют они того, чего сами со ссылкой на закон Божий требуют от народа. Книжники и фарисеи **связуют бо бремена тяжка и бедне носима, и возлагают на плеща человеческа: перстом же своим не хотят двигнути их** (Мф. 23, 4). Это тоже нам знакомо — требование исполнения многочисленных обрядовых мелочей часто вытесняет в нашей Вере искренний молитвенный настрой, вычитыванием правил заменяется покаянный вздох из глубины души. А принятие на себя показного благочестия порождает в человеке необузданное стремление повелевать другими. В то время как эти другие зачастую сами с готовностью склоняют свою выю под их иго, особо подчеркивая — мы рабы Божии.

Не на пустом месте враги Православия клеймят нас рабами, а Веру нашу издевательски именуют «религией рабов». И мы не спорим, покорно, рабски соглашаемся, — да, да, рабы, но Божии! Однако **раб Божий** — лишь первая, самая малая ступенька на пути к Вере. Разумеется под этим, по слову преподобного аввы

Дорофея, «если кто уклоняется от зла по страху наказания, как раб, боящийся господина». Православному не должно долго ходить в рабах, авва Дорофей убеждает: «постепенно христианин приходит к тому, чтобы делать благое добровольно, и мало-помалу начинает как *наемник*, надеяться на некоторое воздаяние за свое благое делание». Но рабский страх и надежда на воздаяние наемника — еще не предел пути. «Христианин получает вкус благого и начинает понимать, в чем истинное добро, и уже не хочет разлучаться с ним... Тогда достигает он достоинства *сына* и любит добро ради самого добра». Сыновняя любовь к Творцу — вот венец этого пути, а нас стремятся укоренить в звании рабов, действующих не из любви, а из страха наказания.

Это тем более опасно, что сегодня слово *раб* в русском языке совершенно переродилось, возобладал дух слепого повиновения, безропотного, бездумного исполнения любых приказаний, отданных от имени Господа своего рода «носителями» Божьей Воли — священниками, духовниками, иерархами Церкви. Все это называется ныне «церковной дисциплиной», которая при бездумном, нерассудительном к ней отношении развращает пастырей, повелевающих паствой в собственных интересах и смотрящих на нее как на стадо, портит прихожан, и впрямь входящих в роль рабов и весьма уютно в ней себя чувствующих: не надо думать самому, не надо советоваться с совестью, не обязательно читать Св. Писание и размышлять над Евангелием — то есть возрастать в Богопознании. В рабах у «своего батюшки» весьма покойно волочиться до самой смерти, почитая себя истинно рабом Божиим, исполнившим добродетель послушания до конца. Но ведь таковой послушник не раб Божий, не работник Господу, а служка, наемник у другого — нерадивого служителя Божьего, и плата такому службе-наемнику — его заглушенная, примороженная совесть, перед которой он ежечасно оправдывается — служу-де в рабах у Господа.

Да не у Господа ты служишь, пойми же ты это, наконец, холопски именуя себя рабом Божиим. Служил бы ты Христу, разве б терпел тогда отступления иерархов Церкви от Веры Христовой, которые тянут нас, как в пропасть, в ад экуменизма,

разве б терпел бы ты эту не от Бога власть? А если власть не от Бога, давайте уж договаривать до конца, она — от сатаны. И если б мы действительно были хотя бы рабами или работниками у Господа, тогда были бы мы не рабами, все сносящими, а воинами Христовыми, как Коловрат, как Пересвет, как Осялябя, как Илья Муромец.

Рабская покорность наша зачастую потворствует фарисейству священничества. Господь обличает фарисеев в стремлении принимать почести, а мы видим эти фарисейские ростки не только в иудеях, но прежде всего в себе и своих пастырях: **Вся же дела своя творят, да видими будут человеки... Любят же преждевозлежания на вечерах и преждеседания на сонмищах, и целования на торжищах, и зватися от человек: учителю, учителю** (Мф. 23, 5-7).

Фарисеи все делают напоказ и любят почет, добиваясь главных мест преждевозлежания и преждеседания на пиршествах и в синагогах. Сегодня и в наших храмах можно видеть фарисеев, ибо порода эта неистребима: со свечками в руках стоят на почетных местах по праздникам наши безбожные правители, напоказ крестятся, им воздается недолжный по их заслугам почет. Господь предостерегает от того, чтобы люди не стремились принимать на себя звание учителя: **Един бо есть ваш учитель Христос: вси же вы братия есте** (Мф. 23, 8). Как писал об этих словах архиепископ Аверкий (Таушев): «Не следует воздавать человеку чести, подобающей единому Богу, и чтить учителей и наставников самих по себе чрезмерно, как если бы эти учителя и наставники говорили свое слово, а не слово Божие». Эта болезнь духа фарисейского особенно распространена сегодня в образе безмерного почитания старцев, превращающегося в идолопоклонство. Книги о духовных наставниках подчас проникнуты такой ложной умиленностью, что граничит уже с истерией. Пересказываются банальные истории о «маслице», которым помазывает батюшка, об «иконочках», которые он раздает, о «бутылочках со святой водичкой». Каждый шаг старца, каждое его слово толкуют пророчески, в самых обыденных словах батюшки видят святую прозорливость, а если батюшка вполне справедливо и сам называет свои слова обыденными,

житейскими, за этим поклонники усматривают особое смирение старца и даже юродство. А преставится батюшка, и толпа почитателей, а больше почитательниц, кидается искать другого учителя, и снова повторяется прежнее — водичка, маслице, иконочки, записочки. Стульчик, на котором батюшка сживал, столик, за которым батюшка кушал. Словечка в простоте не скажут... Редко кто из старцев рад такому безмерному елею, которым умащают ему голову почитатели. Отец Николай Гурьянов на вопросы приходящих к нему о приискании духовника твердо говорил: «У вас должен быть один Духовник — Христос. А учение Его — в Евангелии». Но слова эти многими ли были услышаны?

В Евангельском чтении о книжниках и фарисеях ясно звучит приговор Господа им, отвращающим людей от Бога. Восьмикратно произносит Сын Божий: **Горе Вам, книжници и фарисее!** Наследование духа фарисейского нашими современниками подводит и нас, сегодняшних, услышать над собой этот приговор. В чем же горе нынешних фарисеев от Православия?

Горе вам, книжници и фарисее, лицемери, яко затворяете царствие небесное пред человеки: вы бо не входите, ни входящих оставляете внити (Мф. 23, 13). Это ко всем неверующим пастырям нашим, а таких немало в России, кто «не для Иисуса, а для хлеба куса» служит и труждается, кто своим собственным неверием, холодным сердцем, пустословием в проповедях, формализмом в исповедях замыкает двери Веры для входящих в храмы.

Горе вам, книжници и фарисее, лицемери, яко снедаете дома вдовиц (Мф. 23, 14). Это сказано тем пастырям, кто своей показной набожностью обманывает искренних и простодушных, от сердца несущих батюшке последнее и тем расхищает их имущество под предлогом жертвы Богу. Богатые священники и иерархи — страшное искушение для верующих, огромная беда для Церкви. Дух нестяжания, проповедуемый Господом в Евангелии: **Не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры (кошеля) в путь, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла: достоин бо есть делатель мзды своя** (Мф. 10, 9), вот этот дух созвучен русскому православному сердцу. Мы опытом

последнего столетия русской истории ведаем, как опасно пастырям и монахам поклоняться мамоне.

Горе вам, книжници и фарисее, лицемерии, яко одесятствуете мятву и копр и кимин и остависте вящшая закона, суд, и милость, и веру (Мф. 23, 24). Так Господь обличает пастырей, кто требует от верующих мелочной обрядовой суеты, и этим проповедует достаточность в их служении Богу, успокаивая совесть прихожан внушением, что так исполняется христианский долг. Принесение десятины от всего, что имеют, даже от трав и пряностей — от мяты, тмина и укропа фарисеи в евангельские времена выдавали за служение. Главное же — **вящшее в законе Божиим** — суд, милость и Веру, как прежние, так и новые фарисеи не требуют ни от себя, ни от своей паствы. Как мало ныне священников, именно это — Суд, Милость и Веру — воспитывающих в христианах, оттого мало в Православии ныне Воинов Христовых, а все больше мелких торгашей, несущих свою десятину в храм, будто платящих Господу налог на спасение души.

Горе вам, книжници и фарисее, яко очищаете внешнее сткляницы и блюда, внутрюду же суть полни хищения и неправды. Фарисее слепый, очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее чисто (Мф. 23, 25-26). Хищения и неправды, которыми была заполнена жизнь иудеев-фарисеев в дни пришествия Господа, часто наследуют новые фарисеи от Православия. Дух алчности, стяжательства, готовности ради этого на лукавство и лицемерие, к сожалению, заразен, и не всякий священнослужитель может их в себе побороть. Но хищения и неправда чутко опознаются народом, и это осознание хищений и неправды в служителях Самого Бога отвращает людей не только от Его нерадивых пастырей, но зачастую и от Матери-Церкви. Если священник — хищник и лжец, значит, он неверующий, а если неверующий пребывает в Доме Божьем, какова цена самому Дому? Вот почему Христос заключает свои слова приговором: **Горе вам, книжници и фарисее, лицемери, яко подобитесь гробом повапленным, иже внеуду убо являются красны, внутрюду же полни суть костей мертвых и всякия нечистоты** (Мф. 23, 27). Забота о внутренней

чистоте и искренности для христианина, тем более пастыря, есть забота о Церкви, и каждый человек, исполненный неправды и хищения, сравнивается с покрашенным, то есть **повапленным гробом**, в котором, несмотря на всю внешнюю красоту и благолепие, — разлагающийся мертвец.

Господь произнес суровый приговор еврейскому народу: **Се оставляется дом ваш пуст** (Мф. 23, 38). Это не только знак физического истребления и разрушения, как часто указывают богословы, напоминая, что вскоре после Распятия и Воскресения Господня в 67 году Иерусалим был разрушен римлянами и все попытки евреев восстановить храм Соломона до сего времени всякий раз оканчивались опустошением. Дом Божий, в котором некогда обреталась Вера, и Господь благоволил за это к народу еврейскому, стал пуст: в нем нет больше Господа и святых ангелов Его. Сам народ еврейский стал подобен повапленному гробу. Но наша судьба будет ничем не лучше, если воспримем фарисейский дух, дух хищений и неправды, дух стяжательства, и человекоугодничества. Вот чего следует страшиться нам. Каждый из нас — часть тела Христова, часть Матери-Церкви, и каждый из нас отвечает за то, будет ли Дом Божий пуст или вечно Свят.

Воинский долг христианина

Непреложная истина **Начало премудрости страх Божий**, ибо живо в нас сознание, что за все совершенное надо платить. Ведь что такое **судьба** в христианском смысле этого слова? Суд Божий в земной жизни человека, *суд Бога*, воздающий человеку уже на земле по грехам и заслугам его.

Святитель Иоанн Златоуст называет **Страх Божий** корнем благих. Единственный страх, который должен жить в душе, именно он — основа мужества, воинской отваги. Страх Божий подвигает нас защищать слабого и противостоять неправде. Ведь не даром говорят: *Смелым владеет Бог*. С малолетства наставляли русских деды и отцы: *Никого не бойтесь, одного Бога бойтесь*.

Все добродетели, которые постигает православный христианин, они не перед людьми носятся, это ведь не личины, не маски, они суть состояние человеческой души перед Богом.

Откроем в Евангелии Заповеди Блаженства (Мф. 5, 3-12), которые исчисляются добродетели человеческие. **Блаженни нищие духом, яко тех есть царствие небесное**. Вокруг выражения *нищие духом* столько сломано копий, столько споров, возбуждаемых врагами христиан, упрекающих нас в том, что-де Вера наша призывает к духовной бедности. Но слово *нищий* в славянском языке означает вовсе не *бедный*, его первоначальное значение происходит от понятия *никнуть*, то есть склоняться. Слово *нищий* родственно словам *приникнуть*, пасть *ниц*, опрокинуться *навзничь*. То есть *нищие духом* изначально значит *приникшие духом своим ко Господу*, склонившие перед ним собственную гордыню и своеволие.

Другая заповедь: **Блаженни плачущие, яко тии утешатся**. *Плачущие* о своих грехах разумеются здесь, и это позволяет врагам Православия упрекать нас в унылости нашей Веры. Мы же в отпор можем сказать, что плач о грехах смывает самые грехи, и делает нас, православных, чистым, святым народом.

Блаженни кроткии, яко тии наследят землю. — третья Заповедь блаженства. Кроткие, — убеждают нас иноверные, — это слабые люди, не способные к волевым поступкам. А мы ответим так: *кроткие* — те, кто укрощает свои страсти, не дает вздыматься греху гордыни. Кроткий и воин на поле боя, укрощающий свой животный страх

Блаженни алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся. Господь Иисус Христос дает нам образец жизни в искании и утверждении на земле правды Божьей.

Есть среди заповедей и зарок о милости, вот как он звучит: **Блаженни милостивии, яко тии помиловани будут**. Есть здесь и заповедь о покаянии: **Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят**. Почему здесь речь о покаянии? Да потому что *каются* и *чистый*, как это ни странно, слова одного корня. Искушение вины, которое подразумевается в слове *каются*, ведет к тому, что грешник очищает свое сердце, свою душу.

Еще одна заповедь блаженства, вызывающая много вопросов: **Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся.** О каком миротворстве может идти речь, если христианство на протяжении всей его истории было религией воинов, и только в наш все разлагающий век потеряло былую спасительную воинственность. И что видим в результате? Веру нашу и самый народ наш, в среде которого тысячелетие хранилось Православие неповрежденным, сегодня притесняют, глумятся над нашими святынями, и мира в государстве стократ меньше, чем тогда, когда Церковь была воинствующей. Самое время понять, что миротворство — не есть потворство злу, напротив, удаление зла самым радикальным способом. Не пресекаемые христианами злые, сатанинские силы водворяют в народе смуту и войну. Поэтому христианин-миротворец всегда с мечом и всегда готов отстоять Истину в бою.

О воинском долге христианина отстаивать правду Божию даже под угрозой смерти, терпеть за Веру поношение и клевету говорят две заповеди блаженства: **Блаженни изгнанныи правды ради, яко тех есть Царствие небесное. Блаженни есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех.** Это путь мученичества ради укрепления и торжества Веры Христовой, путь очень немногих — самых решительных, самых верных христиан, Господь говорит нам: **Вы есте соль земли.** Почему *соль*, что за образ приложен к православным? *Соль* — то, что предохраняет пищу от тления, от гниения, от порчи. Покуда есть на земле истинные христиане, земля не будет вконец испорчена злом, человечество не истлеет до конца, смысл земного бытия, заложенный Творцом, будет сохраняться. Вот такое у нас высокое звание — *соль земли*, спасающая тварный мир от конечной гибели.

Господь говорит: **Вы есте свет мира. Не может град укрытись верху горы стоя. Ниже вжигают светилника, и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине суть. Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят отца вашего, иже на небесех.** Свет добрых дел христиан является основой пропове-

ди христианства. Смысл христианской государственности — идею справедливости Божией воплотить в форме самодержавной государственной власти.

Господь говорит, чем отличается Его учение от Завета Ветхого. И здесь у нас возникает недоумение: **Да не мните, яко приидох разорити закон, или пророки. Не приидох разорити, но исполнити.** Слово **исполнити** означает *наполнить*, а не *выполнить*. Речь идет о **наполнении** закона новым содержанием, потому именуется учение Господа Иисуса Христа — Новый Завет. В подтверждение этого дальнейшие слова Господа: **Глаголю бо вам, яко аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в Царствие небесное.** То есть правда Христова должна превзойти содержанием своим учение книжников и фарисеев, о которых Господь сказал: **«Се оставляется дом ваш пуст!»** (Мф., 23, 38). Означают эти слова, что иудеи — богоотверженный народ, ведь понятие пустой изначально в славянском языке подразумевало — *оставленный Божьей благодатью*. Об опасности соединения с отвергнутым Богом племенем предупреждали Отцы Церкви. Святитель Иоанн Златоуст особенно наставлял в своих словах против иудеев: «Если ты уважаешь иудейское, что у тебя общего с нами, христианами? Осмелился бы ты подойти к осужденному за покушение на верховную власть и говорить с ним? Не думаю. Не странно ли избегать сделавших зло человеку, а с оскорбившими Бога иметь общение? Поклоняющимся Распятому праздновать вместе с распятыми Его — безумно. ...Разве ничтожно различие между нами и иудеями? Разве спор у нас о пустых вещах? Скажи мне, ты участвуешь в таинствах, поклоняешься Христу, у Него испрашиваешь благ, и празднуешь с Его врагами? С какою же совестью ты приходишь в церковь? Святой первомученик Стефан говорил иудеям: «Вы присно Духу Святому противитесь!».

Воинствующее христианство не может смешивать себя с иудеями, с их обычаями, образом мысли, памятуя о том, что они отвержены Богом. Пока это блюдетя в Церкви, в Ней сохраняется Благодать.

Несение Креста

Придя к Богу, умом ли, бедой, не суть, став христианами, мы чаще всего полагаем, что долг христианина состоит лишь в молитве, в хождении в храм, исполнении заповедей, содержании постов. Это все так, если бы ныне в России было **«тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте»**. Но ныне это не так. Все силы зла ополчились против нашей Веры, против ее носителей — православных христиан, против ее сердцевины — Русской земли. Наш христианский долг оказывается много тяжелее, чем у прапрадедов, живших в Православном Отечестве, и об этом долге для христиан, родившихся в трудные времена, сказано в Евангелии.

К примеру, в Евангелии от Матфея (Мф. 18) читаем об отношении христианина к соблазнам. Само слово **соблазн**, происходящее от глагола **блзнить**, своей внутренней формой выказывает гибельный смысл обозначаемого им явления. **Блзнить** значит *убеждать в том, что зло есть благо, блзнитися — принимать зло за благо*. Таким образом, **соблазн** — *зло, выдаваемое за добро*. Современный мир просто кишит соблазнами, человеку постоянно представляют гнусные, отвратительные, преступные, гибельные пороки как вещи вполне нормальные, приемлемые в том числе и для христианина. Несомненное, осуждаемое в прежние времена зло рисуется ныне пристойным делом, не подвергается осуждению. Совесть соблазненного христианина не тревожит, он убежден, что не грешит. Но вот что говорит об этом Евангелие: **Горе миру от соблазн: нужда бо есть приити соблазном, обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит. Аще ли рука твоя или нога твоя соблазняет тя, отсецы ю и верзи от себе: добрейшее ти есть внити в живот хрому или бедну, неже две рuce и две нозе имущу ввержену бытии в огонь вечный. И аще око твое соблазняет тя, изми е и верзи от себе: добрейшее ти есть со едином оком в живот внити, неже две оце имущу ввержену быти в геенну огненную.** (Мф. 18, 7-9).

Многих пугают эти слова, они отстраняются, уходят из христианства, утверждающего столь жестокие принципы жизни

во Христе. Другие же, жалея оставить Церковь, но не в силах отвергнуть соблазны, начинают понимать эти слова всего лишь как метафору. И разве не более как метафорой становится для них само Евангелие? Тогда мы слышим из уст таких умствующих христиан, что «соблазны вообще угодны Христу», ибо в них **«нужда есть»**. На самом же деле, слово о противодействии соблазнам — буквальное правило борьбы с грехом. Имея перед глазами самый жестокий образец сопротивления соблазнам, то есть злу, представляемому дьяволом как благо, — отторжение от себя руки или ока, люди, согрешающие сначала в помыслах, должны успеть остановиться прежде, чем дело дойдет до крайности.

Вообще мерило добра и зла для христиан — это Господь наш Иисус Христос, Его Заповеди, Его Слово. Он Сам говорит об этом столь жестко, что не оставляет нам никакого выбора, кроме того, чтобы быть с Ним. Или с сатаной, что для христианина не приемлемо. **Иже не со Мною, на Мя есть. Иже не собирает со Мною, расточает** (Мф. 12, 30).

Никакой «золотой середины», никаких тихих заводей, покойных местечек для трусов, бездельников, маловеров, надеющихся без особого труда, одним бездействием — как в добре, так и во зле, спастись, христианство не предусматривает: Кто не со Мной, тот на Меня, то есть тот против Меня! «Некоторые говорят: «Я христианин и поэтому должен быть радостным и спокойным». Нет, это не христиане. Это равнодушие, это радость мирская, — учит Паисий Святгорец. — Тот, в ком присутствуют эти мирские начала, — не духовный человек. Духовный человек — весь сплошная боль, то есть ему больно за то, что происходит, ему больно за людей... Если кто-то не начнет воевать против зла — то есть не начнет обличать тех, кто соблазняет верующих, — то зло станет еще больше».

И как воевать против зла, — бескомпромиссно, жестоко, стойко, — тоже заповедано в Евангелии, тут и к старцам не надо бегать, спрашивать, стоит ли идти на брань, стоит ли обличать согрешающих. Но сколько же сегодня трусящих и надеющихся, что вот возьмет старец и не благословит их противодействовать злу, скажет, как многие и говорят: «Не время еще!»,

и как-нибудь на духовной войне без них обойдутся... Но ни один старец не отменил для нас святых Евангельских слов: **Аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем едином: Аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего. Аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единого или два. Да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол. Аще же не послушает их, повеждь церкви. Аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь** (Мф. 18, 15-17).

По сути это и есть истинная любовь к ближнему — обличение его грехов, воспитание его души, ограждение ее от соблазнов. Мало кому из ближних наших понравится это, и мы принуждены воевать за их души, либо воевать с ними как с носителями зла, как с «мытарями и язычниками». Путь не сулящий покоя и тихой мирской радости!

Обратите внимание, как точно соотносится с этими словами другое чтение из Евангелия от Матфея: **«Не судите, да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам, и в нюже меру мерите, возмерится вам»** (Мф. 7, 1-2). Эти слова обычно истолковывают, как правило против осуждения ближнего, и на всякое наше слово обличения злодея тот же самый злодей готов заткнуть нам рот — не судите, мол, Христос не велел. Но разве в этих словах есть запрет суда? Здесь просто предупреждается, что, если ты решил судить ближнего, ты должен быть **не хуже** его, твои грехи не должны превышать его прегрешений. Ибо собственный тяжкий грех не может позволить человеку судить праведно, правильно другого, грех судьи мешает вынесению праведного решения над посудимым, как бревно в твоём глазу мешает видеть сучок в глазу твоего ближнего. И вправду, разве может судья-убийца судить другого убийцу, у него нет на то права, как не могут, не имеют права власти крадущие, разоряющие страну и убивающие народ, пытаться насаждать в том же народе покорство законам и проповедовать бескорыстие, честность, а также наказывать своих граждан за разор, кражи, беззакония. Суд таких властей не будет иметь для народа никакой пользы, от суда таких властей никто не исправится. Напротив, той же мерой — мерой беззакония возмерится и им. Так что

евангельские слова о суде вовсе не запрет на суд, а повеление тому, кто судит, быть нравственно выше, чище, лучше судимого.

О необходимости же суда, о непреложности рассуждения в обличении грехов, о защите своих святынь благодаря умению верно судить о добре и зле говорят следующие слова Христа: **Не дадите святая псом, не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими, и вращшесь расторгнут вы** (Мф. 7, 6).

Вот где ключ понимания слов **Не судите, да не судимы будете**, ибо нравственное превосходство христианина, его моральная высота позволяет ему видеть дурное в других, дают ему право обличать зло и тем защищать святыни, защищать для того, чтобы, посягнувшие на святыни и все самое драгоценное, что есть у человека — Бога, Отечество, народ, — все эти «псы и свиньи» не разодрали, буквальный перевод слова **расторгнули**, — его самого. Высшая святыня для христианина — Господь Бог, Пресвятая Троица. И вот сегодня повсеместно к Господу воспитывается небрежение, равнодушие, допускается даже богохульство. Выходит на экраны фильм Скорцезе «Последнее искушение Христа», публикуются гнусные книжонки, порочащие евангельскую историю. И что же православные? Молчат, в лучшем случае — проводят пикеты и митинги. Богохульникам все сходит с рук. Потому что православные христиане безмолвствуют в отличие от мусульман, которые приговаривают к смерти за осквернение своих святынь, за поругание Аллаха или пророка Мухаммеда. Вот почему осквернители боятся воинов ислама, но презирают «рабов» Христа. Это видно даже по обсуждению введения в школьное образование курса «Основы православной культуры», против которого поднялась вся живущая интеллигенция России, но почему-то она не коснулась другой темы, — еще бы! попробуй тронь! — в Татарстане уже несколько лет преспокойно обучают в школах «основам исламской культуры».

Заповедано в Евангелии: **Не дадите святая псом, не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими, и вращшесь расторгнут вы** (Мф. 7, 6). Слова эти читаются в церкви в день архистратига Михаила, защитника

христианских святых, как предупреждение, что без Святых, — без Бога, без Отечества, без нации — человек гибнет.

В пример история жизни старца Самсона Сиверса, который подвизался в Александро-Невской Лавре как раз в тот ужасный час, когда большевики пришли разорять мощи святого благоверного князя Александра Невского. Старец свидетельствовал о себе и о других, как монахи стояли и молились за «псов и свиней», глядя на попираемую ими святую. Трудно сейчас сказать, почему они вели себя так безвольно: из страха ли смерти, или из внушенной им ложной идеи непротivления злу силой, упорно внедряемой на протяжении не одного столетия в умы христиан. Вот только спустя всего несколько дней иноки сами были разодраны, растоптаны, расстреляны. Но это их мученичество не было вольным, как если бы они встали на пути богоборцев, защищая свою святую. Это мученичество было подневольным, оно явилось Божьим попусшением за отступление и малодушие перед врагами Божьими. Так что одно дело, когда ты принял вольную смерть, смело обороняя святое — преграждая собой поругание Господа от сатанистов и иноверцев, защищая Земное Отечество, прикрывая ближних своих. Это мученичество свято, не зря по-гречески, на языке Евангелия мученик зовется *мартирос*, что значит свидетель, тот, кто своим подвигом, своей готовностью умереть за Христа свидетельствует о незыблемости и истинности святых христианских. И совсем другое дело, когда тебя вытаскивают из норы, куда ты закопался в надежде, что беда пройдет стороной, и распластывают в муках невольных, — бессильного, одинокого, оставленного Богом, тогда тебе только и остается, что исповедать свой грех малодушия и трусости и молиться за врагов своих.

Надо понимать без иллюзий, что порой приходят на Русь времена, когда малодушно избегать вольного мученичества — значит рано или поздно претерпеть мученичество невольное, которое, безусловно, тяжче и горше первого, ибо не всякий проходит его с честью.

Именно о готовности на вольное мученичество за свои святые говорит Господь Иисус Христос в словах, засвидетельствованных и Евангелием от Матфея, и Евангелием от Марка,

и Евангелием от Луки, но тщательно обходимых современными духовниками: **«И призвав народы со ученики своими, рече им: иже хочет по мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою мене ради, и Евангелия, той спасет ю»** (Лк. 8, 34-35).

Крест Христов — вольный подвиг за Бога и други своя, подобный пути, пройденному Самим Господом. Вольный, потому что христианин **хочет ити** за Христом, по собственной воле **отвержется** своих удобств, покоя, житейских радостей, мирских удовольствий. Потому что христианин готов за Христа и святых свои умереть! Вот в чем смысл истинного несения Креста Христова, оно во всем подобится жертвенному подвигу Господа, пошедшего за нас на крестную смерть, оно подобно крестоношению Иисуса Христа прежде всего силой любви к Богу, Отечеству и ближнему, любви столь великой, что за них добровольно человек готов отдать жизнь. Много ли сегодня среди нас способных хотя бы шаг шагнуть по этому крестному пути?

Вспоминается недавний случай, когда в огне, охватившем дом, остались двое маленьких детей полутора и трех лет, мальчик и девочка — ингуши. Успевшие выбежать из горящего дома родители безвольно стояли во дворе, уже смирившиеся с неизбежной гибелью детей. Столь же безучастны были собравшиеся вокруг соседи. И только одна русская женщина, подбежав к пылающему остову здания, вошла в пламень и вытащила детей. Истинно христианский подвиг — спасти пусть даже ценой собственной жизни гибнущую чью-то жизнь, ибо, если попустить ребятишкам сгореть заживо, то как после этого жить самому, как глядеть в глаза соседям, как улыбаться и смеяться?

В этом смысл христианского креста — по доброй воле идти на риск, на гибель, глядеть в глаза смерти, буквально **попереть льва и змия**, встречая опасность лицом к лицу, потому что невозможно смириться со злом, невозможно терпеть зло, нестерпимо соглашаться со злом. Родители-мусульмане побоялись вступить в огонь, ибо страшились собственной смерти, а русская православная женщина, не рассуждая об опасности для себя, думала только об одном: «Как жить-то после такого?». Истин-

ный христианин не может ужиться со злом, потому берет крест свой и идет, жертвуя собой, за Христом.

А во что у нас превратилось понятие *нести свой крест*? Ныне так говорят о людях, которые терпят страдания, болезни, материальные лишения, издевательства родных, семейные и прочие несчастья. Но все эти житейские перипетии, если точно следовать слову Евангелия, крестом не являются, ведь они не добровольно возложены на себя страдальцами, это, как правило, «плата по счетам», «отдание долгов», наказание человеку от Господа, милостиво ожидающего от страждущего, от терпящего беду, искреннего покаяния и слезной молитвы. Но сколь утешительно и одновременно искусительно такому страдальцу верить, что таков его крест, посланный от Господа, и благодаря набежавшим на него несчастьям чувствовать себя исполнившим долг христианином.

Каков же истинно крест наш ныне, во времена тяготеющего над Русью жидовского ига? Крест наш — добровольный выбор пути христианского — прежде всего спасение русских от физического истребления и духовного рабства. Из-за сокращения территории исторической России, ухода из нее народов, когда-то получивших кров и защиту русских, впервые за несколько столетий мы, русские, стали подавляющим большинством в своей собственной стране. Это страшно напугало врагов России и Православия и они принялись физически истреблять нас — абортами, алкоголем, наркотиками, непосильными условиями жизни. Они взялись за наши души, растлевая больших и малых, а тех, кто носит имя христианина, заводят в ложь иудео-христианства или отваживают в дебри псевдо-язычества.

Сколько же крестов разбросано ныне по нашей земле. Поднимай, воздвигай себе на плечи какой по силам. Только тогда можешь надеяться, что Господь, приняв твою вольную жертву, не ввергнет тебя в невольное мученичество.

КАК ПОДТАЧИВАЮТ В НАС ВЕРУ

Православное воинство, как свидетельствует русская история, — непобедимо, всегда вело исключительно оборонительные войны, но действовало сокрушающе. Единственное, что остается врагам Православия, пытающимся раз за разом разрушить Православный мир и его крепь — Россию, это раскрошить, надломить в нас стержень Веры. Как это делается? Ответ старца Паисия Святогорца: «Сегодня стараются разрушить Веру и, для того чтобы здание Веры рухнуло, потихоньку вынимают по камешку. Однако ответственны за это разрушение мы все: не только те, кто вынимает камни и разрушает, но и мы, видящие, как разрушается Вера, и не прилагающие усилий к тому, чтобы ее укрепить. Толкающий ближнего на зло даст за это ответ Богу. Но даст ответ и тот, кто в это время находился рядом: ведь и он видел, как кто-то делал зло своему ближнему и не противодействовал этому».

Дух воинства Христова, дух сопротивления злу, нависшему над миром должен сохраняться незыблемым в России, иначе не устоит и мир. А камни православного сознания, уже почти изъятые из оплота нашей Веры, мы обязаны восстановить, вернуть на их законное место, ибо каждый из нас даст ответ Богу за то, что сделал в эти тяжело трудные годы.

Почему терпеть, смиряться и быть в послушании — христианские добродетели?

С детских лет мы слышали злобное определение Православной христианской Веры воинствующим сатанизмом «религия — опиум для народа». Но если всмотреться в состояние сегодняшнего православного народа, то ему навязывают ныне именно

такое Православие. Каждый, кто ходит в храм или смотрит православные телепередачи, или читает книги о Православии, разве не ловит себя на мысли, если конечно, он честен перед собой, что Православие ему моделируют как сладкую сказку, помогающую отвлечься от трудностей сегодняшней жизни, как волшебную грезу, позволяющую забыть о невзгодах своих и Родины. Из Православия часто цинично делают хобби, вроде филателии или моржевания, стояние же в храме и беседу с духовником порой, даже подумать страшно! уподобляют посещению экстрасенса или гадалея.

В понимании наших молитв, в воспитании христианских добродетелей произошел роковой сдвиг смысла, кто-то упорно и кропотливо трудится над истончением, ослаблением нашей Веры, ловко подменяя подлинные понятия на мнимые.

В молитве *Свете Тихий*, к примеру, слово *тихий* в отношении к Господу давно понимаем по-русски, думаем, что это еле видимый, с трудом различимый нежный свет. А ведь *Тихий Свет* по-славянски значит — Свет утешительный, то есть наполняющий душу смыслом бытия. Ибо *тихий* родственно слову *тешить*, а оно исконно подразумевало *исполнять радостью, правдой, Верой*, — всем, что делает человека светлее и чище, что приводит его к Богу. **Царю Небесный, Утешителю**, — обращаемся мы с молитвой к Духу Святому, разумея, что наитием своим Он исполнит нас правдою Божьей. **Свете Тихий**, — обращаемся к Сыну Божьему, веруя, что Он раскроет нам смысл нашего жизненного пути. Именно такое определение некощунственно приложимо к Господу Иисусу Христу, именуемому в молитве — *Свете Тихий*.

Или вот к Матери Божьей обращаемся — *Теплая Заступница рода христианского*, и опять нам неверно внушают, что это значит *нежная, уютная, милая*. Хотя ровно наоборот, *Теплая Заступница* по-славянски означает — горячая защитница наша. Теплота по-славянски — горячность. Почему и теплохладность — хуже холодности в вере, ибо смешивая кипение страстия и лед враждебности, получают вязкую жижу равнодушия и безразличия. После таких вот смысловых подмен у церковнославянских слов *тихий* и *теплый* нам говорят, что теплота

и тишина — отличительная особенность нашего русского Православия! Господь Иисус Христос предстает в таком истолковании нежным и тишайшим, а Матерь Божия нежной и уютной. Так из Православия изводят его коренную особенность — воинский дух, наполняют нашу Веру одной лишь созерцательностью, тишиной, теплотой, нежностью — одним лишь душевным комфортом.

В то же время страшные болезни духа среди православных и грехами сегодня считать уже не принято. Ну, кто сегодня искренне исповедуется вслед за Святителем Иоанном Златоустом: **Господи, избави мя от всякаго неведения и забвения, и малодушия и окамененнаго нечувствия**. И это страшно! *Неведение* — бессовестность, когда человек не ведает, что творит зло, когда совесть сожжена, один серый пепел в душе. *Забвением* именуется утрата памяти смертной, стертость мысли о том, что за всякий свой поступок придется платить, *забвение* — это когда нет и малости памяти о Страшном Суде Христовом. *Малодушие* сегодня не кажется опасным для человека, его толкуют как предтечу трусости, нерешительность в борьбе, не более, но на самом деле *малодушие* должно пониматься буквально, когда в человеке мало души, все существо его занято плотским, телесным, земными страстями, собственным благополучием, когда в малую душу его не вмещается мысль о Боге, любовь к Нему и к ближнему своему. *Малодушие* — когда ищут мелких, эгоистичных выгод в вере и забывают, что основой и крепью Православия было не одно только обеспечение себя на этой земле здоровьем, богатством, и прочими благами. Разве не малодушие, когда мы норючим с помощью Божьей устроить свои делишки и не замечаем при этом, что страна охвачена войной, но ни утрата территорий, ни нашествие иноплеменников нас не удивляют и не трогают, мы все о своем — об исцелении от болезни, о получении квартиры, о хорошей работе, о том, о сем... Но на войне спастись в одиночку — дезертирство, и чье-то отдельное спасение, а вернее стремление благоденствовать, когда стонет в мучениях наша страна, — мерзость в очах Божиих.

Нам малюют наше Православие тихим, теплым, уютным, покойным. Нам кроют Православие без Страха Божьего, который есть суть и основа Веры. Вспомним слово Псалмопевца:

«Начало Премудрости — Страх Божий». Для нас **Страх Божий** — корень русского мужества, православной воинской отваги, основа решимости противостоять неправде. По слову святителя Иоанна Златоуста, «именно Бог, а не другой кто потребует от нас отчета во всех делах наших». Великий святитель уже в свое время видел, как иссыкает Страх Божий в христианах: «Но порядок этот извращен. Ибо ныне мы не столько боимся Того, Который некогда воссядет на судилище и потребует от нас отчета в делах наших, сколько страшимся тех, которые вместе с нами предстанут на суд». В этом равны между собой и правитель, и слуга, и судья, и подсудимый, и мучитель, и мученик.

Страх Божий крепит всю русскую жизнь. Ведь спрос на Страшном суде Христове будет жестким, и прежде всего за личное преуспеяние, если оно куплено кровавыми слезами ближних. Именно Страх Божий рождает в русских людях качества, которые в Православии именуются добродетелями и составляют основу характера русского народа.

Смирение, в старину писавшееся так: *смѣрzenie*, ныне толкуют как самоуничужение. Неправда! Слово *смѣрzenie* самим корнем раскрывает перед нами свой смысл, — состояние *мира* и *мѣры* в душе человеческой, какое бывает после горячей исповеди или искреннего раскаяния, добродетель смирения по-гречески передается словом *симметрия*, и оно тоже говорит нам о равновесии и мире в человеческой душе. Смирение — это когда *не по нашему хотенью, а по Божьему изволенью*, это когда *не нашим умом, а Божьим судом*. Со смирением наши воины побивали врагов Отечества, со смирением наши монахи молились о сокрушении нехристей-супостатов. Не личные страсти вели их в бой и становили на молитву, а смиренное осознание себя орудием Божьей Воли.

Есть среди русских природных добродетелей **послушание**, но только не стоит понимать его как телячью покорность чужой воле, нет! Изначальное значение слова *послушание* — «свидетельство», христианское *послушание* — свидетельство святости воли Божьей, — святой Воли, которую человек видел и в православном Царе своей страны, и в своем духовном отце, и в своих родителях. Вот такое послушание выше поста и молитвы. По-

слушание же нечестивым правителям, лжепастырям, одержимым греховными страстями отцу-матери — это не послушание, ибо святости в таких людях нет никакой!

И вот еще **терпение**, оно тоже рождено страхом Божиим. Но только в старину это слово было лишено значения тупой безгласности, покорного безмолствования в ответ на оскорбления и обиды. Корень слова *терпение* сродни слову *трепет*. В православном понимании *терпение* — это благоговейный трепет перед Господом, Его святостью, и всем, что посылает Господь человеку как испытание. *Терпение* — это готовность принимать Волю Божию, то есть стойкость, ибо сказано в Псалтири: «**Потерпи Господа, и да крепится сердце твое**». А вот терпеть врагов Божиих, то есть благоговейно трепетать перед ними есть грех великий, а не добродетель. За такое терпение нам еще и отвечать перед Богом придется. Так что ставшее притчей во языцех русское терпение не безропотно. Наше терпение — это наша стойкость, она готовит нас к самому жесткому отпущению врагам Божиим и супостатам, поднявшимся против нашего Отечества.

Смирение — мир и мера в душе христианина.

Послушание — свидетельство о святости Воли Божьей в наших поступках.

Терпение — стойкость православной души.

По сути это три важнейших качества Воинства Христова, устрашаемого только страхом Божьим, и потому не имеющего ни перед кем ни боязни, ни трепета.

Что означают «покаяние» и «прощение»

Когда наступают великопостные дни, мы, православные, читаем ежедневно молитву св. Ефрема Сирина: **Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми, дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.**

Что такое *дух праздности*? Слово *праздный* по-славянски не значит одно только *сидящий без дела*, но прежде всего *порожний, опустошенный*, вот и *дух праздности* не означает одно лишь *безделье*, ведь и безделье бывает порой вынужденным, а бурная деятельность подчас может оказаться бессмысленной или во зло. Преподобный Ефрем Сирин говорит в молитве именно об *опустошенности* души, когда в душе нет Бога, и это упраздняет, то есть убивает душу, как обескровленность убивает плоть.

Дух праздности вовлекает человека в *уныние*, избавить от которого молит прп. Ефрем Господа. Уныние не столь безобидно, как нам порой кажется, *уныние* изначально разумело смертную тоску, вопль безысходности, от которого один шаг к отчаянию.

Любоначалие и *празднословие* — повседневные грехи суетной человеческой жизни, *страсть к начальствованию*, верховенству над ближним и *пустоловие* — речь, за которой нет ничего доброго для Бога и сердца.

Когда мы избавляемся от этих недугов души, то по слову Ефрема Сирина, мы проникаемся *духом целомудрия*, а *целомудрие* в славянском языке не означает только девственную чистоту, оно должно быть понято буквально, как постижение полноты христианской истины, это дар Божий, а не наука, и потому целомудрен может быть и неграмотный, нецеломудренным, развращенным, буквально — повернутым спиной к истине, может быть самый ученый богослов.

Завершающие слова молитвы: **Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего**, — называют призывом к *покаянию* и *прощению* своих ближних.

Но что изначально стояло за этими словами, ведь сегодня *покаяние* — признание вины, а *прощение* — забвение обид, нанесенных ближними и врагами твоими.

В русской христианской традиции принято просить Бога *оставить, отпустить грехи* (здесь отражен древнееврейский обычай отпускать в пустыню козла — козла отпущения, возложив на него все прегрешения еврейского народа за год) и еще чисто по-русски принято молить Господа *простить грехи*.

Слово *простить* восходит к прилагательному *простой*, то есть *прямой*. У нас это значение сохранилось в выражении *простой путь*, что значит — прямой, есть еще слово *простоволосый*, когда волосы прямые, расправлены, не убраны под шапку или в косу.

В Евангелии сказано: **Да будет око твое просто** — призыв к тому, чтобы взгляд был прям. На Литургии возглашают: **Премудрость прости. Услышим Святаго Евангелия чтение**. Это означает: при слушании Премудрости *будьте прямые*, то есть примите Св. Писание без искажений.

Итак, *простить* исконно означало *выпрямить, исправить*. И это подсознательно понимает каждый ребенок, который, провинившись, говорит матери: мама, прости, я больше не буду.

Русское Православие понимало *прощение* грехов именно как их *исправление*. В этом, пожалуй, наша национальная особенность. Поэтому когда нашу Веру враги христианства в запале обличения нашей мнимой слабости именуют *всепрощающей*, они напрасно думают, что уязвляют русских. Русское Православие действительно имеет волевое начало и стремление *прощать*, то есть *исправлять грешников, искоренять зло на земле*.

Много сегодня говорят о покаянии, и почти всегда в понимание *покаяния* вкрадывается заблуждение, что *покаяться* значит *признать вину на исповеди*, не более, скажи только — виноват, батюшка, и в миг свободен, и чист. В этом понимании слово *покаяние* поддерживается его греческим соответствием *метаноия*, что значит *перемена мышления*, изменение взгляда на мир. Но русское воззрение на это понятие более глубоко и конкретно, оно основывается на исконном значении корня *кай-* в славянском языке.

В современном русском языке у слова *покаяние*, как и у слова *раскаяние*, как и у слова *окаянный*, как и у слова *неприкаянный*, как и у слова *каяться*, и это все однокоренные речения, — у них почти уже стерт исконный смысл. Давайте восстановим его.

Слово *каять* изначально понималось так — *назначать цену, выкуп за грех*. Вот почему *окаянный* — это человек, который обязан искупить грех, а *покаянный* — это тот, кто уже платит цену за свое преступление. *Неприкаянный* же человек — это не

искупивший своей вины, не пришедший к покаянию. Вспомним выражение *ходить как неприкаянный*, оно означает, что человек, не расплатившийся за свою вину, буквально не находит себе места на этой земле. Не даром *цена* (в древнем звучании — *кайна*) и *покаяние* — слова одного корня, хотя сегодня совсем не похожи друг на друга. Итак, **покаяние** есть наша вольная, осознанная плата за грех, выкуп за свое преступление. Но плата и выкуп — вещи конкретные. Тут одной виноватостью не обойдешься. Конечно, если ты обидел друга, приди, повинись перед ним, это будет соразмерной греху платой. Но если ты ограбил человека, твое покаяние — возврат награбленного, а не причитание перед ограбленным или перед священником, виноват, мол, больше не буду. Если убил неумышленно — повинной головой не обойдешься, *искупи* вину — воспитай сирот, поддержи вдову — вот твое покаяние! Когда же убийство с умыслом, злонамеренное, то покаяние преступника именуется казнью, и само слово **казнь**, в старину оно звучало — *ка-я-знь*, есть искупление вины кровью согрешившего.

Вот что такое **покаяние** — **вольное, осознанное искупление нами наших личных грехов не только словом, но и делом**. Мы, по слову Евангелия, должны принести плоды покаяния.

Но есть грехи народные, в которых повинны всем народом, и все вместе несем за них наказание, как потомки, отвечающие за дела своих дедов и отцов. Вот как говорит об этом св. прп. Лаврентий Черниговский: «Русские люди будут каяться в смертных грехах, что попустили жидовскому нечестию в России, не защитили Помазанника Божия Царя, церкви православные и все русское святое. Презрели благочестие и возлюбили бесовское нечестие».

Давайте задумаемся: если мы, народ русский, согрешили и своими руками разрушили Самодержавие огнем и мечом, а это так, и каждый из нас еще в недавние годы был болен и отрицанием монархии как исконного пути для России, и хулой на св. Царя-мученика, то нашим соразмерным греху **покаянием** должно стать восстановление Русского Царства огнем и мечом, спасение Родины воинским подвигом, искоренение бесовского, жидовского нечестия в России. Таково должно быть наше подлин-

ное покаяние — вольное и осознанное искупление греха народа православного перед лицом Божиим.

Кто принесет такое покаяние Господу? Афонский схимонах Никодим говорит: «За русский народ, за освобождение его от сатанинской власти недостаточно одних молитв, хотя бы и преусерднейших, — требуется **всенародное покаяние** с глубоким сознанием великого и тягчайшего греха — отвержения Божией власти над собой в лице Помазанника».

Что такое всенародное покаяние? Кто это — весь народ? Нам внушают, что это все жители державы от мала до велика, все без исключения и без изъятия, но если мыслить весь народ так, то всенародное покаяние — вещь недостижимо фантастическая, в нее, что душой кривить, никто и не верит сегодня.

Да и где примеры, когда мы шли на покаяние и побеждали всем, без изъятия населением страны? С Евпатием Коловратом против татар собрались только лучшие, *смелые*, то есть те, **кто посмел воспротивиться игу**, и было их всего тысяча семьсот человек. С Дмитрием Донским на Куликово поле вышли самые отважные, презревшие свой страх и силу врага, и было их не более пятисот тысяч. С князем Дмитрием Пожарским встала калиброванная русская совесть и сила, но так ли многочисленна она была. Даже в Великую Отечественную воевала и работала на войну не вся страна, как сейчас принято думать, а всего 17 процентов населения, остальные, как и сегодня, просто жили, трудились, воспитывали детей, они, конечно, болели душой за победу, но не шли на смерть и жертвы за Отечество. И потому весь народ — это самые лучшие, самые смелые, самые отважные люди, — калиброванная русская сила и совесть, те, кто смеет встать против сегодняшнего инородческого ига. Так что призыв к всенародному покаянию — воззвание не ко всем, воззвание к лучшим из русских, и воззвание не к плачу о грехах, плачем о них уже много лет, а к ратному подвигу. И этой калиброванной русской силы, как в былые времена, хватит для победы!

К покаянию за грехи призывают русский народ и открытые наши враги, для себя разумея под этим плачущего, бьющего себя в грудь, рвущего на себе волосы в сознании вечной собственной вины русского Ивана. **Но мы, русские православные**

христиане, помним, что действительное всенародное покаяние — это деятельное искупление наших грехов перед Богом и Родиной, мы с вами должны так покаяться, чтобы никому из врагов наших мало не показалось.

Кто для нас «ближний», «искренний», «друг»?

Две главные заповеди даны нам Господом Иисусом Христом для богоугодной христианской жизни и спасения души. Это заповедь **«Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею»**. Вторая же подобна ей: **«Возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе»**, так написано в Евангелии от Матфея (Мф. 22, 37, 39). То же читаем и в Евангелии от Луки: **«Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближняго своего яко сам себе»** (Лк. 10, 27). А еще в Евангелии от Иоанна: **«Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы. Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя»** (Ин. 15, 12-13).

Искренний, ближний, друг — таковы в Русском Православии имена тех, кого Господь призывает любить, за кого мы должны быть готовы на самопожертвование. Значения этих слов ныне размыты, извращены.

Ближним сегодня нам предписано называть всякого встречного-поперечного, любого оказавшегося рядом, «в контакте» с нами — христианами. **Другом** именуется у нас просто хороший знакомый. А слово **искренний** и вовсе вызывает удивление, ведь для нас ныне это означает **откровенный, неложный ответ** на вопрос, не более. И получается, что христианский призыв **возлюбить искреннего, ближнего, друга** своего понимается нами сегодня неверно, ибо эти слова в русском языке резко изменили свои значения.

Обратимся к исконному смыслу этих слов, чтобы увидеть, кого русский православный христианин должен почитать своим другом и ближним.

Слово **искренний** в славянском языке родственно понятиям **искра** и корень, означало — **высеченный из общего кресала**, духовно или кровно **родной** человек, ветвь одного со мною **корня**. Христианство всегда мыслилось единым духовным кресалом для всех, кто, взяв крест свой, идет за Господом Иисусом Христом, и потому понятие **искренний мой** именуется только православного христианина, более никого!

Христианское выражение **ближний мой** имеет еще более узкий смысл. Согласно евангельской притче о милосердном самарянине, оказавшем помощь раненому разбойниками человеку, ближний — **оказавший тебе милость**, тот, кто откликается на твой зов о помощи, кто всегда готов быть **близ** тебя, рядом (Лк. 10, 29-37). На Руси же только родного человека называли **близок**. Вот и духовно родной, близкий — православный христианин — именуется нами ближним.

И совсем строго понималось искони славянское слово **друг**, означавшее только одно — **соратник**, разумело оно, что рядом с тобой **другой такой, как ты**. Други-воины на Руси составляли **дружины**. И слово **друг** родилось как обозначение ратников на поле боя, плечом к плечу отстаивающих свою правду, свою свободу, свою Веру.

Кто же христианину друг? Единомысленный, единокоренный, соратник. Более никто! Вот за кого призывает Господь в заповеди **положить душу свою**. И при этом Он властно отделяет нас, христиан, от всех прочих, называя верных Ему **друзи мои: «Друзи мои есте, аще творите, елика аз заповедаю вам»** (Ин. 15, 13).

Но когда сегодня в друзья и ближние православным набиваются все иноверцы и, что невозможно еще недавно было допустить! даже иудеи, это подрывает основы нашей Веры, выставляемой в виде непотребной женщины, готовой всякого заключить в свои объятия.

Заповедь любви, по слову Христа Бога, состоит в самопожертвовании за своих, в отдавании всего себя за спасение жизни и души своих ближних: **«Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, якоже аз возлюбих вы. Больши сея любви никто же не имать, да кто душу свою положит за други своя. Вы друзи мои есте, аще творите, елика аз заповедаю вам»** (Ин. 15,

12-14). Это правило христианской жизни, на которое русская душа откликается с радостной готовностью, сегодня пытаются замутить ложными толкованиями, навязывающими нам сомнения в правильности слов Господа.

Читаем, к примеру, в Толковой Библии самоуверенные рассуждения некоего богослова: «Господь пока говорит здесь о самопожертвовании для друзей, а не для всех людей (какое Он проявил Сам). Это *ограничение объема самопожертвования* объясняется тем, что Господь жалел своих смущенных предстоящей разлукой учеников и не хотел предъявлять к ним требования, для них слишком тяжелые». За нелепо канцелярскими фразами об «объеме самопожертвования» отчетливо проступает страх этого так называемого богослова, что христианин нового времени вдруг, как в добрые старые времена, станет делить мир на своих и чужих, что он ополчится на чужих за своих. А как иначе понимать эти Христовы слова? Ведь очевидно, что самопожертвование за своих во исполнение заповеди любви к ближнему возможно только, если им грозит опасность от чужих, от врагов. В минуту смертельного риска заповедано православному христианину заступиться за други своя.

Но евангельская любовь к ближнему выдвигает и жесточайшие требования, ибо согрешающий друг или брат твой — живой укор тебе, не пресекающему его грех. Как в дурном воспитании детей виноваты родители, так и в грехе твоего ближнего есть доля твоей вины перед Господом. Господь полагает перед нами правило строжайшего спроса с наших ближних за зло: **«Аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между собою и тем едином... Аще ли тебе не послушает, пойми с собою паки единого или два, да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол. Аще ли не послушает их, повеждь церкви (то есть собранию верующих — Т.М.). Аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь»** (Мф. 18, 15-17).

Христианская любовь к ближнему — не слепое уступничество, а упорное требование к другу и брату твоему отвратиться от зла. Сила любви и мера требовательности в каждом человеке определяется высотой духа человека. Полководец, жертвующий

собою во имя спасения Родины, терпящий лишения, преодолевающий собственный страх, не будет жалеть и воинов, следующих за ним, предъявляя им столь же суровые требования, как и к себе.

Сказано Господом **«Возлюби ближнего своего, яко сам себе»**. Любовь к себе — жертвенность, готовность защищать Веру, милостыня, суровый пост, неустанная молитва, — дает право требовать того же от друга и брата, — от искреннего твоего, то есть так же сурово и строго, как себя, любить ближнего. У нас же почему-то принято считать, что любовь к себе — это эгоистическое потакание собственным прихотям, потому и исполняем заповедь любви к ближнему, как плохие няньки, балующие дурное дитя: ни тебе выпороть, ни прикрикнуть, чтобы опомнилось, ни в угол поставить. И когда нам говорят, что в желании спасти Россию надо каждому начать с себя, измениться нравственно, перестать грешить, тогда-де переменятся и все вокруг тебя, а нам кажется эта проповедь неисполнимой, ну, в самом деле, может ли целая страна — сегодня сплошь наркоманы, алкоголики, блудники, — вдруг разом перемениться к лучшему, — мы должны вспомнить, что жесткость и даже жестокость по отношению к грехам самого себя дают нам право быть суровыми и с другими людьми, требовать от них того же, что и от себя. Значит, исправившийся алкоголик должен воевать с этой болезнью в других, бывшие блудники и развратники открывать гибельность этого пути остающимся таковыми. Наркоманы, добившиеся исцеления, во Славу Божию обязаны вызволять коснеющих в страшной болезни. А люди, бросившие вызов безбожной власти сами, вправе звать на этот жертвенный путь других отважных.

В этом смысл личного самосовершенствования ради спасения всего народа, иначе каждая улитка в своей раковинке может сколько угодно заботиться о себе любимой, толку от этого не будет даже для самой улитки.

Наши святые подвижники уходили в пустыни для спасения своей души, но, пройдя жесточайшие испытания, вынеся лишения, получали от Бога благодать требовать с тех, кто приходил к ним за окормлением, исправления грехов, налагать на них

прещения, благословлять на подвиги. Мы же ждем сегодня от старцев, чтобы они нас пожалели, несчастных, приголубили, напорочили чего-нибудь утешительного, и обижаемся, когда получаем обличение — дескать, не по-христиански как-то. Так вот, любовь к ближнему сурова у тех, кто сам к себе суров, жестока у тех, кто сам к себе жесток, требовательна у тех, кто с себя требует. И только такая любовь, а не слезливая жалость к грехам и немощам, есть поистине любовь христианская.

О языке молитвы

Святой Иоанн Златоуст сравнивает молитву с водой, та питает деревья, молитва — душу человека неодолимой крепостью. Еще молитва подобна несокрушимой крепостной стене и непоколебимой страже против сил бесовских. Молитва — свет для души, как солнце — свет для тела. Старца Паисия Святогорца спросили однажды: «Как усиливается Вера?». Он отвечал: «Вера усиливается молитвой. Человек, не возделавший в себе Веру измлада, но расположенный к этому, может возделывать ее молитвой, прося у Христа прибавить ему Веру».

Молитва соединяет нас с ангелами, ибо чести говорить с Богом удостоены только ангелы.

Верно сказано, что **картина нашего языка — картина нашего мира**. И покуда в нашем языке есть слова молитвы — наш мир рядом с Богом.

Первое, с чего начинают христиане молитву, это священные слова **Во имя Отца и Сына и Святаго Духа**.

Древняя формула **во имя** сохранилась в русском языке — мы говорим: **во имя чести, во имя славы, во имя детей, во имя дружбы, во имя любви** — что означает **для чести, для славы, для детей, для друга, для любви**, то есть *сделать что-то во имя* — значит принести себя в жертву, причем в жертву в высочайшем смысле этого слова — бескорыстно отдать всего себя. Сознывая, что значит жить во имя чести, во имя славы или любви, мы никогда не признаем жизнь во имя наживы, во имя денег, во имя удовольствий.

Когда мы говорим **Во имя Отца и Сына и Святаго Духа** — мы себя в тот миг полагаем к подножию Пресвятой Троицы, мы себя и жизнь свою осознаем жертвой, такой же, как и жертва Господа Иисуса Христа, во имя тех же ценностей и идеалов. Это очень ответственные и высокие слова, потому с них и начинается Богослужение и молитвенные правила христиан — наши служение и жертва во имя завещанного, заповеданного Богом.

В молитвах своих мы обращаемся к Богу, и в именах Божиих выражаем свое познание Творца.

Первое имя Бога — **Сый**, что значит **Суший и Истинный**, — Бог Истины, существующий вечно и беспредельно, безначально и бесконечно, несотворенно и нетленно. **Сый** — вечность и истинность Бога. Потому и зываем в молитве Святому Духу: **Царю Небесный Утешителю, Душе Истины, Иже везде Сый и вся Исполняй**.

Благий — праведность, святость и благодать Его.

Мы величаем Его **Господь и Владыка**, потому что Он господствует в мире. Именуем **Царь и Вседержитель**, потому что Он царствует в мире. Называем **Творец и Создатель**, ибо Он создал все сущее. Он для нас **Пастырь и Спаситель**, потому что опекает созданных Им и как **Учитель** наставляет своих учеников.

Все это — **Господь Вседержитель, Спаситель Всеведущий, Царь Небесный, Всевышний Создатель, Пастырь Добрый, Творец Благий, Владыка Всемиловитый**, — суть имена, отражающие наше понимание Господа, наше отношение к Нему.

А вот имена врага рода человеческого — дьявола люди так часто произносят всуе, не задумываясь о том, что по призыву имени бесовского и входят бесы в человека, чертыхаться — все равно что бесноваться. **Дьявол** — из греческого языка, **сатана** — по имени первого падшего духа — Сатанаила — тоже заимствовано нами из греческого языка, а греческим взято из еврейского. И слово **демон** — греческого происхождения.

В славянском языке два наиболее распространенных названия дьявола — **черт и бес**. **Бес** происходит от глагола *бояться*, слово с этим корнем в других языках означает — *мерзость, гнусность, все отвратительное*. **Бес** — нечто мерзостное, чего

следует бояться. Слово **черт** родственно корню *чары*, что значит «делание зла, ненависть», то есть **черт** — ненавидящий и ненавистный одновременно. Беса по-русски и по-славянски называют еще словом **враг**, — тот, кто извергнут, отвергнут.

Вот и получается, что бес — мерзость и гнусность в очах Божиих, черт — ненавистный Богу и ненавидящий Всевышнего, враг — извергнутый из Лона Создателя и Творца нашего. Подумайте, как часто мы поминаем эти богопротивные имена, а ведь слова эти еще больше распалют в нас ненависть, потому что духи злобы поднебесной немедленно откликаются на призыв, приближаются к нам, норовят уловить, ухватить, подхватить.

У дьявольских сил есть и другие имена, которые более отчетливо раскрывают их суть. К примеру, дьявола называют по-славянски **клеветник**. Прямое родство с **клеветой**, а клевета от глагола *клевать*, *ловить* значит. Сравните: у птицы — клюв, им она ловит добычу, рыба клюет, то есть ловится. И потому **клеветник** — ловец, расставляющий сети клеветы для своей жертвы.

Дьявола еще называют **лжец** или **отец лжи**. **Ложь**, если вдуматься, — когда на человека возлагают недолжное, для него оскорбительное, обидное. В русском языке до сих пор существует выражение *обложить* непотребными словами. Отец лжи этому способствует. И многие из нас переживали чувство огромной тяжести на сердце от оскорбления словом. Буквально, когда нас обложили черными словами.

Еще дьявола называют **льстец**, ведь **лесть** признается дьявольскими кознями. Сегодня не видит русский язык в этом слове ничего опасного, *лестить* — говорить в лицо человеку приятное, ему не свойственное и не присущее, задабривать его, втираться в доверие. Однако исконно **лесть** от глагола *лечь*, — то, чем обливают, обволакивают, подобно гусенице в коконе, чтобы в приятной оболочке лести сделать человека нечувствительным к правде, непроницаемым для истины. Не страшным и грозным свойственно сатане завлекать грешника, а именно приятным, заманчивым. **Лесть** и **льстец** — самые подходящие для него слова.

Еще одно сатанинское имя — **лукавый**, в нем выражена суть *искривления прямого пути* к Господу. И последнее в этом ряду

бесовских имен — неприязнь. Мы говорим в молитве **«Но избави нас от неприязни»**. **Неприязнь** — *не принявший Бога*, еще одно имя дьявола.

Итак, слова, именующие Господа, имеют великую силу приближать нас к Творцу, делать слышимыми наши молитвы. Сатанинские же имена погружают человека в омут безверия и отчаяния, ибо несут в себе злой дух. Словом, мы сами определяем и выбираем — с кем идем по жизни, — с Богом или с исконным врагом рода человеческого.

Как русский перевод меняет смысл Слова Божьего

Заповеди закона Божьего мы чаще слышим в русском переводе, но очень часто переводы грешат неточностями в выборе слов и вводят нас в неправильное понимание уже самих заповедей. Давайте сравним Заповеди закона Божьего на церковнославянском языке и на русском.

Первая Заповедь: **Азь есмь Господь Богъ твой, да не будут тебе бози инии разве мене.** — *Я Господь Бог твой, чтобы не было у тебя других богов кроме меня.*

В русском переводе говорится о сонмище богов, среди которых надо выбрать Бога своего!, церковнославянский текст Заповеди говорит только об одном — Боге Истинном, подчеркивает: **Да не будут инии — бози** — вот подлинный смысл, он в том, что все иное — идолы, силы природы, златой телец, страсти человеческие, словом, все, что склонен обожествлять человек, не является на самом деле божеством. И только **Аз есмь Господь Бог твой**.

Вторая Заповедь: **Не сотвори себе кумира и всякаго подобия елика на земли низу и елика въ водахъ под землею да не поклонишися имъ ни послужиши имъ** — *Не делай себе идола и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, что в водах под землею, не кланяйся и не служи им.*

Не сотвори себе кумира... Непонятно, зачем здесь понадобился перевод слову **кумир**? Ведь **кумир** — это и есть идол, которому поклоняются как богу. **Всякое подобие** земного, твар-

ного не сотвори для поклонения! — говорит Господь Бог в Заповеди, а в переводе что видим? Вместо **подобия** возникает ... *изображение*, — неправильно! **Подобие** — сходство в лучшем, ибо корень **доб-** имеет значение *добро*. Этот корень есть не только в слове *добрый*, но и в бытовых понятиях *удобный, сдоба, удобрение*. Не чужды этому корню и слова, обозначающие высокое, к примеру, — *преподобный*. **Подобие** — это сходство в добром, в благом, вот почему у нас святые именуются преподобными — подобные Всевышнему в добре, во благе, источником которого является Господь. Заповедь предостерегает, чтобы люди не наделяли подобием — добром высшим, свойственным только Богу — земные тварные существа или вещи. А от чего предостерегает русский перевод этой заповеди: *не делай себе никакого изображения..., не кланяйся, ни служи им*. В числе изображений того, что на земле, наши святые подвижники, того, что на небе — святые ангелы. То есть в русский перевод заповеди подспудно заложена идея иконоборчества, имеющая иудейские корни. Ибо именно иудеи отрицают всякое зримое изображение святости.

Третья Заповедь: **Не приемли имене Господа Бога твоего всуе.** — *Не произноси имени Господа твоего напрасно.*

Всмотримся в слово **всуе**, означает оно запрет помянуть имя Божие *в суете*, без молитвы. Русский же перевод подсовывает иной, искажающий смысл, ведь **напрасно** значит *без пользы, зря*, то есть христианами подсознательно усваивается прагматический смысл обращения к имени Господа. Нас убеждают русским переводом, что к Богу надо прибегать не напрасно, а значит только с какой-либо целью. И эта опасная мысль въедается в сознание православных, которые даже молитву начинают воспринимать как торг: мы-де Тебе, Боже, приносим свои моления, а уж Ты нам подай, что просим!

Четвертая Заповедь: **Помни день субботный еже святити его: шесть дней делай ми сотвориши в нихъ вся дела твоя, въ день же седьмый, суббота, Господу Богу твоему.** — *Помни день субботный, чтобы проводить его свято: шесть дней работай и совершай в них все дела твои, а день седьмый — день покоя, да будет посвящен Господу Богу твоему.*

Вот малопонятное выражение: **Помни день субботный еже святити его** — но оно вовсе не означает *проводить день свято*, в переводе к тому же лукаво вставлено — в покое. Ведь тогда мы уподобляемся иудеям, запрещающим в субботу всякий труд, и святое времяпровождение понимающим только как чтение своего талмуда в синагогах, в то время как трудятся за них в этот день гои — иноверцы, уподобляемые евреями животным. **Святити день субботный** — говорит о том, чтобы, как жертву, посвящать этот день Богу. Как русские православные приносят Господу зримые жертвы: святят куличи, урожай, скот, принося, отделяя часть Богови, так и, по крайней мере, один день в неделю человек обязывается уделять Господу — служба в храме, бескорыстное служение ближнему, проповедь Веры христианской, — все то, чем мы можем послужить Богу, а не только себе.

Пятая Заповедь: **Чти отца и мать твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли.** — *Почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе хорошо было и чтобы ты долго жил на земле.*

Церковнославянское **Да благо ти будеть** — вовсе не соответствует русскому переводу — *чтобы тебе было хорошо*. Хорошо бывает за трапезой, на отдыхе, на природе, в бане, наконец. И только **благо** — высшее добро, которого человек удостоивается от Бога. Получается, что этим вот неправильным русским переводом нам лукаво внушается мысль о том, что почитание родителей влечет за собой земные удовольствия, а не благословение Божие. Такой подход к пониманию пятой заповеди можно расценить как вовлечение в жидовство, поскольку стремление человека, чтобы «ему было хорошо», расценивается Православием как греховный эгоизм, а вот иудеи как раз стремление к земному процветанию всячески приветствуют.

Церковнославянское выражение **Да долголетен будеши на земли** — тоже не соответствует русскому *чтобы ты долго жил на земле*. **Долголетие** — это не физическое пребывание наше в земной жизни, а благоденствие нашего потомства из рода в род, долголетие человека на земле, это когда, по слову пророка Давида, **семя твое наследит землю**. Но высокий смысл Пятой Заповеди в русской интерпретации умышленно переводят

в личную плоскость — *чтобы ты и только ты, бренный, то есть сотворенный из брения — грязи человек, долго жил на бренной земле!*

Шестая Заповедь **Не убий** по-русски передана без искажений — *Не убей*.

А Седьмая Заповедь **Не прелюбы сотвори** переводится — *Не прелюбодействуй*. **Прелюбы** — если переводить на русский, буквально — измена любви, ведь приставка **пре-** или по-русски **пере-** означает *через*; сотворить **пре-любы** — переступить через любовь. Поэтому Седьмая Заповедь должна быть понята так — *не изменяй любви, не преступай через любовь*. Значение гораздо выше, чем предостережение против одного только прелюбодеяния, супружеской неверности. Нельзя изменять духу любви в дружбе, возбраняется отвращаться от любви к детям, к народу своему, к Отчизне, — ко всему, к чему Господь заложил любовь в природу человека.

Восьмая Заповедь звучит по-церковнославянски: **Не укради**. По-русски же зачастую читаем — *Не воруй*. **Не укради** — даже единокротное посягательство на чужое имущество не допускается, а *не воруй* относится только к закоренелому вору.

Девятая Заповедь: **Не послушествоуй на друга твоего свидетельства ложна**. — *Не произноси на другого ложного свидетельства*. Эта заповедь против лжи. **Не послушествоуй** — не свидетельствуй. *Свидетель* и *послух* означают разные виды свидетельств — через слух или зрение. Интересно вдуматься при этом в слово **послушание**, которое ныне настойчиво объясняют только как повиновение, и требуют от православных беспрекословного *послушания-повиновения* властям, начальству, родителям, духовнику, любому ближнему... К добру ли такое покорство? Полагаем, что изначальный смысл слова **послушание** есть именно *свидетельство*, именно этот смысл высвечивается в Девятой Заповеди. Если же мы проявляем **послушание** в виде повиновения требованию власти, начальства, духовника, родителя, то мы тем самым свидетельствуем о том, что данное нам приказание, требование или совет благие и не противоречат Заповедям Христовым. Здесь единственный раз русский перевод не искажает, а уточняет смысл заповеди.

Десятая Заповедь: **Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего елика суть ближняго твоего**. — *Не желай жены ближнего своего, не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, никакого скота его, и вообще ничего, что принадлежит ближнему твоему*.

Заповедь против зависти, которая вместе с гордыней самый тяжкий из грехов человеческих, ибо из зависти и гордыни произрастают все остальные грехи. Зависть и гордыня — грехи сатанинские, ими одержим дьявол, посягнувший в самовозношении-гордыне стать выше Господа — Творца и Создателя всего сущего, возжелавший в зависти к Всемогуществу Творца соперничать с Богом.

Заповеди Закона Божьего воспитывают лучшие качества, без которых человек — не человек, так — дрянь и мразь. Четыре Заповеди посвящены Богу — они утверждают боголюбие, верность Имени Божьему, запрет святотатства, утверждение жертвенности. Шесть Заповедей — основа нравственности: почитание предков (по сути — утверждение национализма как нравственного закона человеческой жизни), запрет на убийство ближнего, запрет на присвоение имущества ближнего, заповедь против измены любви, возбранение лжи, отвращение от зависти. Так будем жить по Заповедям Божиим, как понимали их наши предки, читая и осваивая Закон Божий на церковнославянском языке, будем жить, правильно понимая смысл заповедей, отрицая жидовское нечестие их новых переводов.

Жжёт душу грех

Слова из славянского языка, обличающие наши грехи, от времени и частоты употребления стертые в своих значениях, потому и скользят мимо нашего сознания. Так давайте вдумаемся в их исконный смысл.

Грех — поступок, противный Закону Божию, вина перед Господом. Слово происходит от глагола *греть*, **грех** — это то,

что жжет душу, совесть человека. **Совесть** называют гласом Божиим в душе. Потому любой человек, верующий и неверующий, не суть, согрешив, испытывает угрызения совести, совесть буквально грызет душу. Другие названия греховных поступков в церковнославянском языке — **скверна**, то есть мерзость, нечистоты души, **беззакония**, **душетленные страсти**. Слово **страсть** резко изменило свое значение в русском языке, ныне это **сильная любовь**, безудержное влечение, но славянский язык хранит исконное значение этого слова, связанное с понятием **страдания**, **страсть** по-церковнославянски — именно **страдания**, **страсти Христовы** — нечеловеческие **муки**, которые принял Господь Иисус Христос. Но есть и **страсти душетленные**, страдания души, которые губят ее, ведут к духовной смерти. Если такой человек молится, перед тем не покавшись, слышит ли его Бог? Большой вопрос, ведь сегодня толпы губителей Отечества и народа, сознательных убийц, воров, грабителей, которые важно стоят в храмах, величаво кланяются и прикладываются к иконам, молятся, наверное... И что? — их молитва, их жертвы, их поклонение угодны Богу? Думать об этом скорбно. Но вот ответ на мучающий нас вопрос у Григория Богослова: «Угодно ли знать отличительные свойства лукавого нрава? Это ненависть, зависть, клевета, это кичливость и гордость, корысть, страстное желание, это недуг славолубия. Этими чертами отличается образ дьявола. Поэтому если очернивший себя подобными сквернами будет призывать Отца, то какой отец услышит его? Тот отец, что состоит в родстве с призывающим его человеком, а это отец не небесный, но отец преисподний».

Чтобы слышал наши моления не отец лжи, дьявол, а Отец наш небесный, Господь Бог, мы каждый вечер и перед святым причащением исповедуем свои грехи, то есть осознанно, открыто и искренне говорим о них в молитве к Богу. Грехи именуется **вольными и невольными** — то есть совершенными сознательно, по воле человеческой, и нечаянно, невольно. Обратите внимание на названия греховных страстей, когда читаете, к примеру молитву перед святым причащением: слово **гнев** родственно слову **угнетать**, то есть подавлять другого, **печа-**

лить ближнего — **печь**, как на углях, его душу; **гордиться** — значит уподоблять себя **горе**, высящейся над человечеством; **завидеть** — **заглядываться на чужое добро**, зариться на него, и тем **уязвлять**, то есть ранить свое сердце. Среди названий грехов есть редкие, почти забытые ныне слова — **свада** и **нерадение**. **Свадить** — значит **сталкивать**, **ссорить** людей, а **нерадеть** о молитве или о ближнем означает **не заботиться** о них.

В повседневном исповедании грехов встречаем и другие забытые теперь именованья дурных поступков: **многостяжание** — стремление к обогащению, **скверноприбытчество** или как мы сегодня это понимаем — **лихоимство**, доход от злых дел, противных Господу, редкое слово **мшелоимство** значит ростовщичество, ведь древнее речение **мшел** означает **нарост** (сравним слова **мох** — то, чем обрастает что-либо, и **замшелый** — обросший). Вот и мшелоимство по сути есть доход, полученный в результате прироста данных в долг денег.

Помимо житейских грехов, связанных с земным существованием человека, есть болезни духа, которые сегодня подчас грехами и не считаются. Их называет святитель Иоанн Златоуст в своей молитве: **Господи, избави мя от всякаго неведения и забвения, и малодушия, и окамененнаго нечувствия**. Эти грехи можно понять, если вспомнить, какие им противопоставлены добродетели. Что такое **неведение** — бессовестность, отсутствие совестного осознания своих поступков. **Забвением** именуется утрата памяти смертной, той драгоценной мысли о Страшном Суде Христовом, которая может остановить даже самых тяжких злодеев. **Малодушие** сегодня не кажется опасным для человека, его толкуют как предтечу трусости, нерешительность в борьбе, не более, на самом деле **малодушие** должно пониматься буквально, это когда в человеке мало души, все существо его занято плотским, телесным, земными страстями, собственным благополучием, когда в душу его не вмещается мысль о Боге, любовь к Нему и к ближнему своему. Наконец, **окамененное нечувствие** — страшная духовная болезнь, которая еще именуется **теплохладностью**, — свойственное нашему времени животное состояние людей вне Веры в Бога, вне любви, даже вне страха, когда у человека сохраняются лишь животные

рефлексы, когда он уподобляется скотам бессмысленным и безропотно покоряется чужой злой воле.

Страшно, что сегодня человечество многие свои богопротивные поступки старается не считать греховными. И хотя совесть наша прекрасно все различает, ее усыпляют лживыми увещеваниями, что безбрачное сожитительство, к примеру, — это тоже брак, только гражданский, а вовсе не **блуд**; что работа банкира и жизнь на проценты с банковских вкладов никакого отношения к **мшелоимству** не имеют; что взятки чиновников — нормальная человеческая благодарность, а совсем не **скверноприбытчество**; что милицейский беспредел на улицах — исполнение обязанностей, а не **лихоимство**; что аборт — обычная медицинская операция, а не **детоубийство**... Но как бы нас ни увещевали, ни убеждали в обратном князя мира сего, каждый человек все равно совестью своей чувствует греховность содеянного им, но попуская грехи, он все более и более сжигает свою совесть, ибо, напомним вам, слово **грех** происходит от слова **греть**, не очищенный покаянием грех становится очередным поленом, подложенным в костер, где горит, корчась в муках, наша христианская совесть. И сколько ходит по земле людей, у которых совесть сожжена дотла.

Есть в нашем лукавом мире и другая горькая крайность. Когда убийство или гнев без рассуждения принимаются за лютые грехи. Да так ли это? Как в таком случае понимать слова святителя Иоанна Златоуста о необходимости пресекать святотатство казнью осквернителя Божьего Имени, как исполнять его слова «подойди и освяти руку свою раною», если при тебе хулят Бога Истинного. Действительно эти слова великого святителя, творца нашей литургии, противоречат духу мира сего быть толерантными, терпимыми по отношению к осквернителям икон, поджигателям храмов, хулителям нашей Веры. За годы проповеди непротивления злу силой, за время пропаганды ереси толстовства, которую почему-то незаметно присвоили себе многие современные христианские проповедники, мы получили стада православных непротивленцев, не способных не то что Веру свою оборонить от хулы, детей своих не умеющих защитить от поругания, от насилия на улицах, от явного их порабо-

щения иноплеменниками. Да, эти православные непротивленцы не грешат против заповеди **не убий**, их грех страшнее: находясь в состоянии **окамененного нечувствия**, они отступают от первой заповеди Закона Божия, указующей на то, что Един у нас Господь Бог, Ему одному следует служить и поклоняться, а не потворствовать кумирам собственной трусости или малодушия.

РУССКОЕ СЛОВО И РУССКАЯ КРОВЬ

Что нас, русских, объединяет в народ?

В пору всеобщего разделения, когда десятки миллионов русских разбросаны по миру, когда само тело исторической России, ее исконная земля разодрана на четыре части — на ныне суверенные Россию, Украину, Белоруссию и Казахстан, — когда нет у нас единомыслия в государственном строительстве и единодушия в Вере, мы все еще не только называем себя, но и остаемся русскими. Так что же нас объединяет в народ?

Любой народ имеет, во-первых, **общих единокровных предков**. И каждый из нас, русских, числит в своих предках и князя Александра Невского, и купца Кузьму Минина, и полководца Александра Васильевича Суворова, и ученого Михаила Васильевича Ломоносова... Взглянем на их портреты — родные глаза смотрят прямо в наши души. Свои, кровные — наши отцы и деды, не то, что какой-нибудь Наполеон или адмирал Нельсон.

Всякий народ хранит **общие установления и законы**, и наши русские нравственные законы не позволяют нам, как народу, быть жестоким к слабым, отказывать в помощи народам, просящим у нас подмоги, кичиться перед другими нациями своим умом или достижениями.

Каждый народ помнит, что у него **одна на всех история**. И для русских это татарское, нашествие французское, первая и вторая мировые войны, как и сегодняшнее порабощение иностранцами — это наша общая судьба, испытания, данные Богом всему народу, чтобы в освобождении от ига, от беды проявлять свою национальную волю к жизни.

Укорененность в своем Отечестве тоже объединяет нас в народ. Наша Родина поистине является землей отцов, по-

скольку их прах веками ложился в эту землю и тяга к родной земле такова, что умирающие на чужбине подчас завещают только одно — быть похороненными в земле отеческой или хотя когда-нибудь лечь в нее костями.

У нас, у русских, как у всякого народа — **один язык** — именно язык определяет наш национальный характер и мировоззрение. Ведь недаром у славян понятие «народ» заключено в слове *язык*. Русский язык — это не одно только средство общения, как нам старательно внушают со школьных лет. Русский язык — это наш общий взгляд на мир, на семью, на государство. К примеру, слово *счастье* исконно означает не безудержное наслаждение жизнью и удовольствиями, *счастье* по-русски — это своя часть, своя доля в земной жизни человека. Эта доля может быть трудной, полной испытаний, но и ее русские признают счастьем. А у китайцев, наоборот, иероглиф счастья — свинья под крышей, то есть теплый хлев и сытость. Ни один русский человек, даже жизнь положивший исключительно на собственное благополучие, это китайское счастье никогда подлинным счастьем не признает.

Прежде русский народ имел еще два важнейших общих установления: **Православную Веру и Самодержавное Царство**. Православие было настолько частью русскости, что в документах государственного образца для жителей России не существовало графы национальность, была графа «вероисповедание», где прописано *«православный»*, что практически являлось почти синонимом *«русского»*. Самодержавие — объединявшая нас многовековая форма правления, — тоже было спланивающим центром. Царь — военный вождь, организатор славных русских побед и заботливый о подданных Отец, творивший и расправу и милость.

В 1917 году все переменялось. Православие и Самодержавие перестали быть скрепами единства русского народа. Религиозное мировоззрение русских стало мозаичным — это и православные христиане с самыми разными взглядами не только на бытие, но и на саму Веру, это и атеисты, и язычники, даже мусульмане и католики. Все они называют себя русскими, и при этом искренне не любят друг друга за несовпадение

взглядов, и на примирение их мировоззрений вряд ли можно надеяться.

Политические пристрастия — демократическая республика, авторитарная диктатура, конституционная монархия, самодержавие, — таков обширный спектр взглядов на нашу русскую государственность у русских, и в этом разнообразии тоже нет пока никакой возможности найти согласие.

Две скрепы нашего единства — Православие и Самодержавие — распались, до их восстановления пока далеко, но ведь осталось еще много удерживающих нацию скреп: родная земля и общие русские предки, одна на всех историческая судьба и общие нравственные законы, один на всех русский язык, в котором откристаллизовалось русское самосознание. Неужели этого мало, чтобы несмотря на разногласия и противоречия, быть единым народом, способным отстоять для потомства свое гордое и славное национальное имя?

Оглядитесь: в пылу внутренних споров и распрей мы не замечаем, как уже начали распадаться и эти скрепы русского единения. Землю нашу, пользуясь нашей слабостью осваивают, обживают, скупают другие народы и уже претендуют на нашу Родину как на свое Отечество. Нравственные законы нашей русской жизни исподволь подменяются иудейской моралью вседозволенности. Русский язык становится упрощенным инструментом межнационального общения. Историю русскую переписывают и заставляют нас верить в никогда не бывшее... Да было, было уже подобное в русской истории, но куда оставалось хотя бы две скрепы — русское слово и русская кровь, — те последние вехи, которые труднее всего изничтожить, — нация восставала из пепла гибели.

Чтобы не растерять, не утратить последнего, у нас, русских, есть только один выход: забыть до поры о внутренних спорах и дразгах, до победы русской национальной власти отложить все вопросы, которые сталкивают нас между собой лоб в лоб. Ведь именно этой междоусобицы добиваются враги России, стремящиеся нас окончательно обескровить. Так не дадим же им воспользоваться нашей бедой! И каждый в собственном мировоззрении пусть найдет то, что не обособит его от инакомыс-

лящих русских, а воссоединит с ними перед лицом угрозы национальной гибели. А я, лингвист, покажу здесь, как живой русский язык крепит нашу национальную стойкость и волю к русской победе на русской земле.

Почему мы называемся славянами и русскими?

Самоназвание народа восходит к различным понятиям, с которыми народ связывает себя, выражая свой идеал совершенства.

В своем имени народ может утверждать: мы — люди, а другие нет. Так марийцы называют себя — *мари*, что значит «человек», цыгане именуют себя — *рома*, что тоже значит — «человек», чукчи называют свою народность — *лыгьороветлян*, то есть — «настоящие люди». И в этом их нельзя укорять, такова древняя психология народа, выбравшего себе такое имя.

Народ может именовать себя и так: мы — свои, другие — чужие; так называются шведы — *свеи*, швабы, в имени которых корень *свои*.

Порой народ принимает на себя имя великого предка, обозначая для себя пример его жизни. По имени легендарного предка прозываются иудеи и чехи.

Есть народы, в имени которых явственно слышится название древней родины, — таковы поляки и итальянцы.

Случается и трагичное, когда вместо родного племенного имени народ принимает на себя прозвище, каким он зовется у других народов, что свидетельствует о духовной исчерпанности национальных сил. Вот мы немцев называем *немцами*, прежде мы всех иностранцев называли немцами, поскольку они не понимали нашей речи и были для нас как бы немые, так вот мы зовем немцев немцами, французы их называют *алеман*, англичане их именуют *джоман*, но сами-то они как называли себя так и продолжают называть только *дойч*. Нас, русских, латыши и литовцы издревле называют *кривас*, фини столетиями именуют *вене*, но нам и в голову не приходило принять какое-либо из

этих названий. Почему же сегодня мы покорно принимаем чуждое для русских имя *россиянин*. Это что, свидетельство нашей национальной исчерпанности?

Мы ведь не только русские, мы еще и славяне. О чем же говорит наше другое племенное имя — *славяне*. Оно связано с понятием речи и слова. Славяне — те, кто *говорит*, говорит понятно и разумно, в отличие от других, то есть славяне — опять же *свои*, разумно говорящие, понятные друг другу, в отличие от чужих. Глагол *слыть*, существительное *слово* — вот корни имени *славянин*. В старину, повторяю, всякий народ заключал в свое имя свой идеал человеческого совершенства. Славяне — народ, оценивший сокровище слова настолько, что принял его в свое имя. И каким же издевательством на фоне ясности смысла нашего племенного имени выглядит псевдонаучное толкование имени славяне, предлагаемое нам некоторыми лингвистами, а именно: «жители влажных долин», короче — болотные обитатели.

Другое наше имя — *русский* — как только ни пытались исказить, корень этого слова кому только ни пытались приписать. Немецкая по своим истокам теория утверждает, что так назывались норманы, пришедшие владеть русскими в IX веке, то есть имя наше нам дано якобы чужеземцами. Другая теория, русская по происхождению, говорит, что имя *русский* возникло от названия крохотного притока Днепра — реки Рось (хотя по названиям рек народы никогда себя не прозывали). Неоспоримое решение важнейшего для нас, русских, вопроса дал академик О. Н. Трубачев, который доказал, что имя *русский* восходит к корню славянскому и индоарийскому **рукс-** или **рокс-**, что значит — «белый, светлый». То есть *русы* — народ белый, народ Света. Согласно описаниям арабских источников, в которых задолго до появления славянской письменности впервые зафиксировано имя *русы*, это были высокие люди со светлой кожей, светлыми — русыми волосами, синеглазые; в буквальном смысле слова — белый, светлый народ. И сами русы называли свою страну — *Русь* — буквально «белый свет, единственно возможное для жизни место, Родина». Все, что вокруг, не заселенное русами, не обжитое

ими, Русью, то есть белым светом для них не являлось. Может, потому и не заримся мы никогда на чужие благоустроенные до нас земли, а *осваиваем* — делаем *своими*, обжитыми, родными, земли дикие, до того пустынные, трудно проходимые.

Обратите внимание на идеал человеческого совершенства, изначально заключенный в наших племенных именах: *словене* — народ Слова, *русские* — народ Света, племя Белых людей.

Но сегодня мы допустили, что имя наше — **русские** — терпит и гонения, и клевету. Кто только ни кинулся, точно по команде затравщика, с остервенением грызть, рвать наше святое имя. Старый, испробованный прием: там, где славное имя сразу нельзя уничтожить, истребить его можно только с русским народом, имя это нужно оболгать, измарать, обгадить, ополить, навязать ему чуждые значения, сделать его посмешищем, символом глупости, то есть так отвратить от него умных и запутать невежд, чтобы они с готовностью отказались от него, с радостью приняли другое прозвание, лишь бы не позорить себя причастностью к ошельмованному имени.

Нашим именем *русский*, открыто издеваясь над нами, называют ныне то, что русским никак не является. Как поганые грибы, множатся «*русское лото*», «*русский банк*», «*русский проект*», «*русское радио*», «*русское видео*», и, конечно же, с особым удовольствием смакуют — «*русская мафия*». Сейчас вот появился проект захоронения ядерных отходов под названием могильник «Русь». И явно и символично мечтают белый свет похоронить в ядерной грязи.

Многие из тех, кто активно эксплуатирует наше национальное имя, показали себя кто бессовестным обиралой, кто грязным развратником, кто жуликом-проходимцем. А пошерстите хозяев этих «русских заведений», там вы не найдете ни одного русского, «русским лото» владеют чеченцы, «русское видео» в руках евреев, «русское радио» прямо заявляет, что оно русское только потому, что вещает на русском языке...

В то же время у действительно русских их национальное имя отнимают, в прессе и в эфире замелькали абсурдные фигуры — татарстанец Иванов, карелец Сидоров, башкортостанец Петров,

а все они, вместе взятые, именуются *россияне*, будто подкидыши из никому неведомого племени.

Одни из нас видят в том неприкрытое издевательство, какого русскому человеку изо дня в день слышать: татарин Саитов, чеченец Умалатов,.. россиянин Кузнецов. Другие усматривают в подмене застарелую болезнь прежде большевистского, а ныне демократического интернационализма, — раньше имя *русский* вытеснялось безродным *советский*, теперь оно изгоняется при помощи безродного *россиянин*. Но все мы понимаем, что тонкая игра, затеянная с нашим национальным именем, есть расчетливая обработка национального рассудка и памяти народа, и многие русские, кто привык к кличке *советский*, очень легко поменяли ее на *россиянин*. Так бездомный, безродный пес откликается на любое прозвище, лишь бы покормили. Нынешней власти и нужны именно россияне, а не русские, потому что русские помнят, что у нас родная земля, единое Отечество, что у нас одна на всех судьба, общая Православная Вера и родной для всех нас язык, и история не раз показывала, что против русских войной идти опасно, непосильно, недаром враги говорили про нас, русских, — «мало убить его, еще и повалить надо». А вот россияне себя в истории никак не проявили, — ни славы, ни чести, ни доблести.

Чтобы понять, кто мы — русские, взгляните в лица русских детей. Ведь нас почти что отучили любоваться их ясными, светло смотрящими на мир глазами, мы перестали узнавать свою породу в их русоголовых лицах. Ведь ни у одного народа нет таких волос — русских. Неяркие, неброские, они внезапно отливают благородным солнечным светом, как отсвет доброты, коей наполнены все русские. Приходит время, когда мы должны с дерзновением исповедать свою русскость и крепить себя спасительной мыслью о том, что все еще остаемся народом Света.

Надо помнить и детям своим заповедывать, что мы, славяне — народ Слова, что мы, русские, — племя Света, мы — нация Белых людей. Будем помнить свои высокие имена, быть их достойными и никому не позволять над ними глумиться.

Ключи русского самосознания

Познать свой народ, разобраться, какие мы на самом деле — дано нам через родной язык. Каждый народ прежде всего и дольше всего сберегает в своей языковой сокровищнице слова, выражения, наиболее для него потребные, ключевые, раскрывающие народное мировоззрение. С ними народ добровольно не расстается всю свою историческую жизнь. Лингвисты подсчитали, что из ста наиболее употребительных слов тех языков, которые имеют многовековую письменную историю, за тысячу лет утрачивается, замещается другими словами только пять процентов. Встреться мы с нашими пра-пра-прадедами, мы бы поняли их, а они — нас! Выходит, мировоззрение народа, а оно выражено в словах, очень устойчиво, жизненный опыт языка сто крат богаче опыта жизни каждого отдельного человека, говорящего на этом языке как на родном. Именно язык учит нас жизни, рисует нам русскую картину мира, подсказывает, как вести себя, как действовать по-русски.

Все народы в своем языковом сознании хранят особые ключевые слова, которые емко определяют взгляд на мир, приоритеты и ценности мировоззрения. В английском языке, согласно новейшим исследованиям, ключевым является выражение *common sense* (здравый смысл), для немецкой языковой картины мира важнейшим словом предсказуемо оказалось *ordnung* (порядок). А вот ключевым, коренным понятием русского национального самосознания было и есть слово *свой*.

Открытие это сделал академик О. Н. Трубачев при реконструкции древнейших понятий славянской культуры, лежавших в основе строительства дома, семьи, государства, Веры. Эти понятия живы в нас и по сей день, они суть идеалы, образцы, установки жизни русского человека. Хотя найдется много желающих поспорить с тем, что идея *своего* как лучшего, доброго и правильного пронизывает всю русскую жизнь. Ведь нам внушают обратное, что русская-де натура широка, всеохватна и всечеловечна. Мы давно привыкли мыслить себя в облике этакого простеца, гостеприимно распахивающего двери в свой хлебо-

сольный дом любому инородцу, настезь открывающего свою душу любому иноверцу, усердно прислуживающего всем им.

Однако язык наш — первый свидетель того, что русские никогда не были настезь распахнуты для чужаков, что они честно и нелицемерно разделяли мир на своих и чужих. *Свои* первоначально были для русских люди одного рода, одной крови, ведь древний корень *сио-* означал «рождать», и, следовательно, свой — это *родной*, единокровный. Такое понимание слова *свой* выражено в формулах народной мудрости — «свой своему поневоле брат», «всякая сосна своему бору шумит», «свой свояка видит издалека».

Поскольку *свой* — родной, то из этого смысла выросло понимание *своего* как всего *Богом устроенного*, Богу угодного, правильного. Вот законы русской жизни по-своему, то есть так, как нам Бог положил: «живи всяк своим умом да своим горбом», «всякому зерну своя борозда», «всякая избушка своей крышей крыта».

Понятие *свой* изначально несло в себе мысль о богоустановленности всего, чем богат русский человек в этой жизни, — здоровья, имения, родни, доли. Действительно, в словах *здоровье* (съ-доровье), *счастье* (съ-частье), и даже в слове *смерть* (съ-мьрть) в крохотном обломке древнего *сио-*(*съ*) хранится память о том, как виделась русским людям телесная крепость — это *свое древо*, отрасль доброго корня, каким представлялось для русских счастье — *своей долей*, частью, отпущенной Богом каждому человеку, и даже смерть русскому представлялась своей, если она была естественной (выражение *умереть не своей смертью* по сей день напоминает нам об этом).

Всегда бывал убежден русский, что *свое* — это подходящее именно для него, то есть *хорошее, доброе, благое*, даже смерть во время свое. Так рождались правила русской жизни, в которой «всякому свое любо-дорого»: «всякая птица свое гнездо хвалит», «свой хлеб сытнее», «свой уголок всего краше», и даже «свой сухарь лучше чужих пирогов».

Поскольку *свое* — это все родное и Богом данное, то русские понимали, что Родина, Отчизна, земля предков тоже — *своя*. Потому и сохранилось в русском языке выражение *во своя си* —

к себе домой, в свои пределы, на родину. Потому искони не глянулась нам чужбина: «За морем веселье да чужое, а у нас и горе да свое», «на чужой сторонушке рад своей воронушке».

Замечательно, что именно с пониманием *своего* как родного, богоугодного, правильного связано у русских представление о *свободе*, ведь корень этого слова тот же, что и в слове *свой*. Свободный — это *сам свой*, принадлежащий себе, вспомним, что есть у нас и выражение «сам не свой», то есть подчинившийся чужому — человеку ли, идее, не суть. *Свое* говорит русскому о его свободе: «Своя рука — владыка», «Не князь, не дворянин, а в своем дому господин», «В своем гнезде и ворона коршуну глаз выклюет». Неволя, плен, тягота, несчастье, связывающие свободу человека, именуется по-русски «не свой брат»: и голод не свой брат, и палка не свой брат, а «своя волюшка раздолюшка». И если говорить о самодостаточности земной жизни в представлении русских, — то вся она в словах «свитка сера — да воля своя».

Конечно, пронизавшее все русское сознание понятие *свой* могло рождать и такие уродства как «моя хата с краю». Это когда взгляд человека выше своей избы и двора не возлетывал. Но все же русские из рода в род берегли коренной, древний смысл этого слова. *Свое* — это Вера, Родина, единокровные и единовверные братья, это свобода жить по законам отцов.

Русская кровь — не миф, а научный факт

Мы постоянно слышим, что русские — не народ, спаянный кровью, родственный по крови, а конгломерат людей, объединенных общностью культуры и территории. Оброненное кем-то из писателей, — «поскреби всякого русского, непременно отыщешь татарина», стало чуть ли не аксиомой в ходу у политиков, размывающих понятие *русский*, а заодно для всякого явилось входным билетом в среду русского народа. Дескать, каких только кровей — татарских, кавказских, немецких, финских, бурятских, мордовских... — в русском ни намешано. Нас усиленно убеждают, что мы, русские, очень разные по крови, что мы не из одного корня проросли, а явились плавильным котлом для

многих народов, когда-либо набегавших, заходивших, прибудившихся на нашей земле, и мы всех их принимали, впускали в дом, брали в родню.

Действительно ли мы, русские, представляем собой скопище, сплав, плавильный котел, сборище из сошедшихся на Русь племен, как нас в этом убеждают? Тогда мы вовсе не народ, а население. Ведь *народ* — это нарождающиеся из одного рода, ветви одного корня, искры из одного кресала. Население же — все, кто поселился рядом, без разбору рода-племени. Народ спаян кровью, народ умеет различать своих и чужих, поэтому в каждом старике видит отца, в ровеснике — брата, в девушке — сестру, в старухе — мать, вспомните, еще недавно были в ходу обращения к совершенно чужим, но русским людям — *отец, мать, сестренка, братишка, друг, сынок, дочка...* Эти обращения возможны только в среде своего народа, ведь никому и в голову не придет позвать — дочка! — маленькую китаянку, режьте вас, но вы никогда не обратитесь — матушка! — к пожилой таджичке, у вас язык не повернется сказать — отец! — иудею в хасидской шляпе.

Сейчас эта традиция отмирает, очень опасная примета того, что русский народ постепенно соглашается стать просто русскоязычным населением — «россиянами», сдать на потребу пришлому чужому люду, раствориться в нем, выродиться в массу смуглявых потомков, исчезнуть как русским с лица земли.

Надо развеять этот миф, разорить бастионы лжи, громоздящиеся на шатких подпорках «поскреби всякого русского...». Давайте поскрежем, да не с помощью политического толерантного словоблудия, а обратившись к научным достижениям антропологии, науки о биологических видах человека. Эти знания точны, получены научным экспериментальным путем, постоянно обновляются, и потому не получится у наших противников отовратиться тем, что они устарели. Поскрежем и увидим, что русский — из поколения в поколение, из рода в род, все тот же русский, а не татарин, не печенег, не половец, не скиф, не монгол, он — русский! И вот почему.

Выдающийся антрополог, исследователь биологической природы человека, А. П. Богданов в конце XIX века писал: «Мы

сплошь и рядом употребляем выражения: это чисто русская красота, это вылитый русак, типично русское лицо. Можно убедиться, что не нечто фантастическое, а реальное лежит в этом общем выражении *русская физиономия*. В каждом из нас, в сфере нашего «бессознательного» существует довольно определенное понятие о русском типе» (А. П. Богданов «Антропологическая физиогномика». М., 1878). Через сто лет современный антрополог В. Дерябин с помощью новейшего метода математического многомерного анализа смешанных признаков приходит к тому же заключению: «Первый и наиболее важный вывод заключается в констатации значительного единства русских на всей территории России и невозможности выделить даже соответствующие региональные типы, четко ограниченные друг от друга» («Вопросы антропологии». Вып. 88, 1995). В чем же выражается это русское антропологическое единство, единство наследственных генетических признаков, выраженных в облике человека, в строении его тела?

Прежде всего — цвет волос и цвет глаз, форма строения черепа. По данным признакам мы, русские, отличаемся как от европейских народов, так и от монголоидов. А уж с неграми и семитами нас и вовсе сравнить нельзя, слишком разительны расхождения. Академик В. П. Алексеев доказал высокую степень сходства в строении черепа у всех представителей современного русского народа, уточняя при этом, что «протославянский тип» весьма устойчив и своими корнями уходит в эпоху неолита, а, возможно, и мезолита. Согласно вычислениям антрополога Дерябина, светлые глаза (серые, серо-голубые, голубые и синие) у русских встречаются в 45 процентах, в Западной Европе светлоглазых только 35 процентов. Темные, черные волосы у русских встречаются в пяти процентах, у населения зарубежной Европы — в 45 процентах. Не подтверждается и расхожее мнение о «курносости» русских. В 75 процентах у русских встречается прямой профиль носа.

«Русские по своему расовому составу, — делают вывод ученые-антропологи: — типичные европеоиды, по большинству антропологических признаков занимающие центральное положение среди народов Европы и отличающиеся несколько более

светлой пигментацией глаз и волос. Следует также признать значительное *единство расового типа русских* во всей европейской России». Русский — европеец, но европеец со собственными только ему физическими признаками. Эти признаки и составляют то, что мы называем — типичный русак.

Антропологи всерьез поскребли русского, и что же отскребли? Никакого татарина, то есть монголоида, в русских нет. Одним из типичных признаков монголоида является эпикантус — монгольская складка у внутреннего угла глаза. У типичных монголоидов эта складка встречается в 95 процентах, при исследовании восьми с половиной тысяч русских такая складка обнаружена лишь у 12 человек, причем в зачаточной форме. Еще пример. Русские имеют в буквальном смысле особую кровь — преобладание 1-й и 2-й групп, что засвидетельствовано многолетней практикой станций переливания крови. У евреев же, например, преобладающая группа крови — 4-я, чаще встречается отрицательный резус-фактор. При биохимических исследованиях крови оказалось, что русским, как и всем европейским народам, свойственен особый ген РН-с, у монголоидов этот ген практически отсутствует (О. В. Борисова «Полиморфизм эритроцитарной кислой фосфатазы в различных группах населения Советского Союза». «Вопросы антропологии». Вып. 53., 1976). Получается, как русского ни скреби, все равно ни татарина, никого другого в нем не сыщешь. Это подтверждает и энциклопедия «Народы России», в главе «Расовый состав населения России» отмечается: «Представители европеоидной расы составляют более 90 процентов населения страны и еще около 9 процентов приходится на представителей форм, смешанных между европеоидами и монголоидами. Число чистых монголоидов не превышает 1 млн человек». («Народы России». М., 1994). Несложно подсчитать, что если русских в России 84 процента, то все они — исключительно народ европейского типа. Народы Сибири, Поволжья, Кавказа, Урала представляют смесь европейской и монгольской рас. Это прекрасно выразил антрополог А. П. Богданов в XIX веке, изучая народы России, он писал, опровергая из своего далекого далека сегодняшний миф о том, что русские вливали в свой народ чужую кровь

в эпохи нашествий и колонизаций: «Может быть, многие русские и женились на туземках и делались оседлыми, но большинство первобытных русских колонизаторов по всей Руси и Сибири было не таково. Это был народ торговый, промышленный, заботившийся зашибить копейку и затем устроить себя по своему, сообразно созданному себе собственному идеалу благополучия. А этот идеал у русского человека вовсе не таков, чтобы легко скрутить свою жизнь с какой-либо «поганью», как и теперь еще сплошь и рядом честит русский человек иноверца. Он будет с ним вести дела, будет с ним ласков и дружелюбен, войдет с ним в приязнь во всем, кроме того, чтобы породниться, чтобы ввести в свою семью инородческий элемент. На это простые русские люди и теперь еще крепки, и когда дело коснется до семьи, до укоренения своего дома, тут у него является своего рода аристократизм. Часто поселяне различных племен живут по соседству, но браки между ними редки».

На протяжении тысячелетий русский физический тип оставался устойчив и неизменен, и никогда не являлся помесью разных племен, населявших временами нашу землю. Миф развеян, мы должны понять, что зов крови — не пустой звук, что наше национальное представление о русском типе — реальность русской породы. Мы должны научиться видеть эту породу, любоваться ею, ценить ее в своих ближних и дальних русских сородичах. И тогда, возможно, возродится наше русское обращение к совершенно чужим, но своим для нас людям — *отец, мать, братишка, сестренка, сынок и дочка*. Ведь мы на самом деле все от единого корня, от одного рода — рода русского.

***Русские, украинцы, белорусы:
один язык, один род, одна кровь***

Как легче всего ослабить, обескровить народ? Ответ прост и проверен веками. Чтобы ослабить народ — его надо раздробить, раскроить на части и убедить образовавшиеся части, что они есть отдельные, самостоятельные, сами по себе, даже враждебные народы. В истории известны разделение сербов — на сер-

бов, хорватов, боснийцев, черногорцев; дробление немцев — на австрийцев и немцев... Эти разделения сопровождалось государственным дроблением и ослаблением мощи великих европейских народов. Горький опыт разделения нации имеем и мы, русские. В середине XIX века мы беспечно приняли так выгодную полякам, немцам, евреям идею дробления русских на три самостоятельных «народа» — русских, украинцев и белорусов. Новоиспеченным народам — украинцам и белорусам — стали спешно создавать отдельную от русского народа историю. В самостоятельных украинских учебниках 20-х годов XX века украинцы повели свое происхождение от «древних укров». Украинцам и белорусам изготовили собственные литературные языки — украинский и белорусский, которые подражали польским литературным моделям, хотя в ту пору малорусское и белорусское наречия русского языка, именно так они именуются в словаре В. И. Даля, отличались от русского литературного языка, как диалекты Смоленщины или Вологодчины, и языковеды по сию пору не находят на картах четких границ между говорами русских, белорусских и украинских народов. Народная языковая стихия доказывает их родство, однако ж украинский литературный язык, напротив, стремится отсечь украинцев от русского корня. Исследования выдающегося слависта академика Н. И. Толстого убедительно доказывают что литературный украинский — искусственное новообразование, на треть состоит из германизмов, немецких слов, на треть — из полонизмов, слов польского языка, и на треть — из варваризмов, наречия поселян Украины.

Зачем же было дробить единый русский народ, рушить его целостность? На территории Австрии в XIX веке жило много православных славян, именовавших себя русскими или русинами. Будучи подданными австрийского императора, они сознавали свою причастность к русскому народу, что очень беспокоило австрийскую власть. Ну, как можно было австрийским властям мириться с положением в Галиции, где в русских избах на стенах висели непременно два портрета — австрийского императора и русского Царя, и на вопрос о значении портретов, крестьянин-русин обычно отвечал: «Это его величество авст-

рийский император, а это наш русский батюшка Царь». Австриякам на своих землях да и полякам, чьи территории входили в то время в состав Российской империи и тоже были густо населены русскими, нужно было избавиться от русской «пятой колонны» в собственных пределах. И работа закипела. Идея переделывания русских в «щирых украинцев» была щедро профинансирована австрийским правительством. В городе Львове, входившем тогда в состав Австрии, историк М. С. Грушевский сочинил «Историю Украины-Руси», где князей русских Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха поименовали украинскими князьями, писателей Николая Гоголя и Николая Костомарова принялись именовать великими украинскими писателями и переводить их труды на украинский язык, который, в свою очередь, был сотворен из тех самых полонизмов, германизмов и варваризмов так, чтобы ни в коем случае не походил на русский литературный язык. Переводы эти выглядели довольно дикими. К примеру, шекспировская фраза Гамлета «Быть или не быть: вот в чем вопрос?» в так называемом литературном украинском переводе Старицкого получила несвойственную благородному принцу датскому базарную развязность: «Буты чи не буты: ось-то заковыка?»

Поначалу царские власти в России не отнеслись всерьез к этим, казалось, невинным забавам либеральной украинской интеллигенции, подстрекаемой австрийцами и поляками к самостоятельности, власти сквозь пальцы смотрели на намеренное раздувание обиды малорусов на великорусов за то, что называют себя великими русами, а их малорусов — малыми. Но эта обида, как заразная болезнь, прочно укоренялась в сознании многих украинцев, с готовностью отвергавших свое русское имя в силу того что оно МАЛО-русское, и принявших себе национальное имя в честь Украйны — окраины Руси.

Вот так вредоносная идея, всего-навсего словесная игра, затеянная с национальным именем *русский*, смогла расчленить и ослабить единый народ, породить взаимную неприязнь у единокровных братьев. И сколько теперь нужно усилий, какую громадную гору неприязни и лжи нужно ниспровергнуть, чтобы побороть эту вредоносную идею, а вместе с ней и искусственное

разделение русских на три «восточнославянских народа» — русских, украинцев и белорусов.

Ныне, наконец, получило здоровое научное объяснение именование Руси — Великой, Малой и Белой. Согласно исследованиям академика О. Н. Трубочева, название Великороссия никакого самовозвеличивания перед другими странами, другими народами не выражает. Как слово Великобритания образует пару с материковой Бретанью — древнейшая колонизация острова шла оттуда, так имя Великороссия образует пару с именем Русь, прежде в глубокой древности обозначавшим область Киева, откуда шло освоение русскими земель к северу и востоку. Это типичный случай называния колонизованных земель термином Великий, так в истории известны не только Великобритания, но и Великая Греция, Великопольша и Великая Моравия, все эти территории когда-то были освоены из материнских очагов — Бретани, Греции, Польши и Моравии. Вот почему рядом с Русью Великой появилась Русь Малая — Малороссия, название *малая*, подобно нынешнему *малая Родина*, всегда имело смысл Руси изначальной, материнского очага, вокруг которого образовалась Великая Русь. И никакого уничтожения малороссов в этом названии нет, так же как нет никакого шовинизма великороссов в именовании великорусский. Долго сохранялись следы прозывания нынешних украинцев русскими, до сих пор на крайнем западе Украины существует область, которая по-прежнему зовется Подкарпатская Русь, а поляки, немало усилия приложившие, чтобы малорусы звались украинцами, в своей среде до недавнего времени словом Русь обозначали Украину. Так что наши названия Великая и Малая Русь есть объективные указатели широких миграций народа русского, свидетельство освоения русскими огромных пространств, а вовсе не знак столь не свойственных нашему народу кичливости и хвастовства.

Не таит мнимых обид, напротив, указывает на древнее единение русского народа и название Белая Русь — Белоруссия. Это имя, как показали новейшие исследования академика О. Н. Трубочева, является частью древней системы цветообозначения сторон света. В этой системе северная часть страны обычно

именовалась *черной* (и в истории сохранилось именование северо-западной части Руси *Черная Русь*), *красным* цветом (по-древнерусски *червоным*) обозначалась южная часть страны (в летописях известна *Червоная Русь*), а *белой* именовалась западная часть Руси. В системе древнего цветообозначения сторон света, согласно реконструкции, было и название для восточной стороны — *Синяя* или *Голубая Русь*. Но ее следов в письменной истории не обнаружено. А вот сохранившееся до сего дня имя *Белая Русь* показывает, что это всего лишь западная часть великой Русской земли, — часть, а не нечто обособленное и независимое.

Даже самое малое внимание к этим вопросам развеивает взаимные обиды и разногласия. Но кому-то очень хочется, чтобы мы, русские братья, по-прежнему вели свары между собой. Скажем, добродушные взаимные прозвища, которые давались украинцами русским, а русскими украинцам, как давались они вятским, пошехонцам, пермякам, да кому только не давались. Русских украинцы звали *москалями* и *кацапами*. Ну и что тут обидного? Как говорится, назови хоть горшком, только в печь не сажай! *Москаль* — всего-навсего москвич. На Украине так называли всех, кто вышел не с Дона и не с Украины. А в Сибири москалями и москвичами величали всех русских, включая украинцев, кто жил за Уральским хребтом, то есть в Европе. *Кацан* — вообще загадочное слово, оно не имеет однозначного истолкования, и именно потому, что его происхождение не понятно, нет причин считать его обидным для русских. Точно так же нет причин для обид при назывании украинцев *хохлами*, это лишь образное подчеркивание особого, свойственного запорожским казакам чуба — клока волос на бритой голове — символа казачьей чести. Только чужак, человек чужой крови и не нашего воспитания, может счесть такие прозвища обидными. Ведь никто не стесняется этих именовании в русских и украинских фамилиях и не считает собственные фамилии — Хохлов, Москалев, Кацапенко — неприличными, обидными.

Русские, украинцы, белорусы — суть один народ, ибо рождены из одного русского корня, единокровные братья и братья

по Вере. Наречия украинское (малорусское), белорусское и великорусское отличаются друг от друга меньше, чем немецкие диалекты между собой. Потому и русским, и украинцам, и белорусам, помня наше родство, надо уметь пренебрегать ухищрениями врагов русского единства и русской силы, пытающихся нас разделять и ссорить. Формула нашего национального разделения, универсально высказанная в завещании польского русофоба Меровшевского, должна стучать в наши сердца, не давая забывать о том, что русские, украинцы и белорусы есть один язык, один род и одна кровь. Вот что Меровшевский завещал всем вековечным недругам народа русского: «Бросим огня и бомбы за Днепр и Дон, в самом сердце Руси, возбудим ссоры в самом русском народе, пусть он разрывает себя собственными ногтями. По мере того, как он ослабляется, мы крепнем и растем».

Русский язык — ксенофоб

Словом *ксенофобия* страшают тех, кто недоволен нашествием инородцев на нашу землю. Словно припечатывают позорным клеймом, вменяя им уголовную 282-ю статью — возбуждение межнациональной розни. Подобная статья есть только в российском законодательстве, другие европейские государства не позволяют себе политических преследований из соображений демократических. А у нас изобретено пугало, причем только для русских, именно русским пытаются заткнуть рот уголовным кодексом, страшают тюрьмой, принудительной работой, штрафами, чтобы в короткие сроки умалить натиском пришельцев наше национальное преобладание в России. И многие русские поддаются страху быть обвиненными в *ксенофобии*.

Что же такого страшного в этом понятии? Ксенофобия — это же самый обычный, естественный для каждого народа страх — *неприятие чужого, отторжение чужого*, чтобы не утратить свою собственную самобытность. И почему, скажите на милость, мы обязаны любить чужие народы? В народах, по меткому замечанию великого русского философа Хомякова, как

и в людях, есть страсти, и страсти не совсем благородные. Еще раньше, чем философы и историки, неблагородные страсти чужих народов подметил наш русский язык и навек запечатлел в себе неприятие чужаков. Русский язык за всю историю нашего народа и государства накопил в себе множество ксенофобских слов и выражений. В лингвистике их называют *ксенонимы*. На основе наименований других народов русские творили слова с обобщенным представлением об этих народах. Как правило, с негативной оценкой чужаков, образное обозначение внешних врагов на протяжении всей истории. На основании ксенофобных характеристик лингвисты выяснили, кто из народов мира вредил русским больше всего. Оказалось — татары, тут и чертополох, зовущийся в говорах *татарник*, чирьи и нарывы, именуемые *барин-татарин*. Вспомним и меткое русское выражение о большой голове — *татары в башке молотят*. Не жалуется русский язык и немцев. О язвах на коже в Сибири говорят — немцы сели, тараканов в России прозывают *прусаками, швабами и немцами*. Саранчу именуют *шведами*. Так отложилось в памяти русского потомства, как татары, немцы, шведы, подобно полчищам насекомых, вторгались на наши земли, уничтожая все на своем пути. Осталась в языке ксенофобская память и о поляках. От имени мазовецких поляков пошло русское прозвище *мазурик*, то есть вор, пройдоха. Помнит русский язык французское нашествие. С тех пор завелось в русском языке слово *шаромыжник*, от французского *cher ami* — дорогой друг, так голодные французы, скитаясь по холодной России в 1812 году, просили чего поесть. С тех пор это слово означает — шатун и плут.

Русские имеют древнюю привычку хранить имена своих исторических врагов в кличках домашних животных, психологически точно выверенный путь преодоления страха перед врагами. Если именем врага назвать кошку или собаку, то враг перестает быть страшным. И впрямь кошачье прозвище *Мурзик* напоминает нам о том, что этих хитрых, умных, ловких животных наши предки метко сравнивали с Мурзой, татарским князем, вековым поработителем русского народа. Или вот в Сибири широко распространена собачья кличка *Кучум*, разумеется,

в честь сибирского хана, побежденного Ермаком Тимофеевичем. Собак черной масти, причем исключительно дворовых, в России непременно кличут *Цыган*. А теперь прикиньте, сколько бродит по России рыжих котов по кличке *Чубайс*. Наш язык и по сей день исправно выполняет свою традиционную обязанность — сохранять в народной памяти имена врагов нации.

Татары, шведы, поляки, немцы — с ними все ясно — внешние враги и постоянные приграничные соперники. Но вот что интересно, почему два народа, никогда не ходившие против русских открытой войной, удостоились в русском языке наибольшего количества ксенофобских наименований. Эти два народа — цыгане и евреи. Их именами называют в русском языке вещи, которые похожи на настоящие, но только внешне. Разбавленную самопальную водку называют *цыганское молоко*, козу кличут *жидовской коровой*, луну — *цыганским солнцем*, мелкий короткий дождик, как ни на что не годный, прозван у нас *жидовским дождем*, сильный мороз — *цыганским жаром*. *Жидками* русские зовут кусачих насекомых и домашних муравьев, жидами зовут воробьев, которые тучей налетают откуда ни возьмись и сильно вредят крестьянским посевам. *Цыганской рыбой* прозвали головастика, вроде и рыба, а не настоящая, *жидолкой* зовут мелкую рыбешку гольца, не годящуюся в пищу. Интересно, что этническим названием евреев метят опасные ядовитые растения, физалис, к примеру, зовут *вишня жидовская*. В Малороссии *жидками* именуют поганки, гриб-дождевик русские называют *цыганский табак*. *Цыганское золото*, *еврейское золото* — всякий поддельный под золото металл. Немалый перечень прилипчивых заразных болезней удостоены той же этнической меты: лишай — *жид-жидовин*, сибирская язва — *жидовка*, озноб — *цыганский пот*.

Что же хотели передать своим потомкам наши предки, закладывая свой жизненный опыт в самую надежную, самую верную, самую крепкую память — язык? Предупреждение, пока не обрели собственного опыта общения с другими народами, быть всегда настороже с опасными для нас, русских, племенами, совет сторониться их. Приведу свидетельство лингвиста Березовича, специально изучавшего проблему лингвистической ксено-

мотивации и опубликовавшего результаты своих исследований в журнале «Вопросы языкознания» (М., 2007, № 1): «Предскажем тот факт, что лидерами по количеству вторичных номинаций, по накалу экспрессии в лексике восточнославянских языков, а также целого ряда других европейских языков будут цыган и еврей, обозначения этносов, которые на протяжении многих веков являются чужими среди своих для восточных славян». Я намеренно цитирую научный журнал и в нем научную статью, откуда взяты примеры, цитирую для того, чтобы меня не обвинили все в той же пресловутой ксенофобии, ведь потащили же в прокуратуру Бориса Миронова, когда в предисловии к книге Дэвида Дюка «Еврейский вопрос глазами американца» Борис сравнил евреев с саранчой, хотя это сравнение полностью соответствует нашим языковым русским традициям. Причем евреям почему-то в голову не приходит судить за ксенофобию другие народы. В цитируемой мною научной статье из журнала «Вопросы языкознания» читаем, что не только русские, украинцы и белорусы жалуют евреев и цыган таким неприветливым образом. Другие народы Европы сохранили для своих потомков те же предупреждения. Англичане, например, имеют ксенонимы для своих вековых врагов — шотландцев, ирландцев, голландцев, а также для цыган и евреев. Немцы нарекли ксенонимами поляков, чехов, русских и опять-таки цыган и евреев. Поляки и чехи наградили ксенонимами немцев, чехов, шведов и опять же евреев, цыган. Научный факт, как против него попрешь, однако к немцам, полякам и англичанами у евреев претензий нет, они есть только к русскому народу. Причем вот парадокс: цыгане не заставляют русских отказываться от наших представлений о них и не волокут нас в суд, чтобы заставить изъясняться к ним в любви, и только евреи пытаются принудить нас к тому, причем под угрозой уголовной ответственности.

Беспристрастные лингвистические исследования показывают: ну, не любят русские евреев. Не любят и точка, и нелюбови этой уже много веков — с времен распятия евреями Христа. Но немало и других с древности поводов не любить евреев. В 60-х годах прошлого века в египетском городе Александрии нашли

при раскопках папирусное письмо на древнееврейском языке. Письмо датировано десятым веком, и стало знаменитым потому, что в нем впервые в истории зафиксировано древнейшее упоминание славного города Киева, упоминание его в ту пору, когда у древних русичей письменности еще не было. Но самое замечательное в египетской находке — его содержание, о котором принято умалчивать. В этом письме еврейская община города Киева просила евреев города Александрии дать кров и оказать помощь своему соплеменнику, сбежавшему из древнерусской столицы, чтобы не отдавать долги своим русским заимодавцам. Поди, полюби таких...

Чернословие

Сквернословие — черное, грязное слово, еще недавно бывшее недопустимым в обществе, сегодня затопило страну. Матерная брань, за которую прежде могли впасть пятнадцать суток, как за оскорбление, сейчас вроде бы уже никого не оскорбляет. И не только не корбит, а даже и не удивляет. Это свидетельство опасных сдвигов в жизни народа. Давайте разберемся в истоках русской брани: почему светлый, чистый, совестливый народ наш погряз в словесном безобразии и ныне того даже не замечает?

Чем исконно являлась брань? Обороной, первым словесным предостережением тому, кто тебе угрожает. Сначала оборонялись словом, потом пускали в ход кулаки и оружие.

Наши русские по происхождению бранные слова, я не говорю сейчас о мате, который пришел на нашу землю извне, так вот, почти вся русская брань имеет значение «мертвый». Таков смысл, например, слова *падло*, то есть «падаль». Или *стерва*, опять же буквально «мертвечина». Вспомните, у нас в русском языке есть слово *стервятник* — питающийся падалью.

Значение «мертвого» и в слове *зараза*. Слово это восходит к глаголу «заразить», то есть убить. Так что ругательство *зараза* исконно обозначало убитого. Похожее значение имеет слово *мразь*, — погибший от холода. *Сволочь* — также обозначает

покойника, видимо, самоубийцу. Все эти ругательства изначально являются предупреждением обидчику: вот что станет с тобой, если сунешься. Вслед за русской бранью могло следовать только истребление врага.

Согласитесь, с таким значением бранные слова естественно применять только к недругам. Совершенно неестественно, когда сволочью, то есть самоубийцей, или заразой, то есть убитым, или падлой, то есть мертвецом, называют друг друга пусть и поссорившиеся, но все же родные люди, вовсе не имеющие намерения убить друг друга. Но ведь слово само по себе имеет силу, энергию. И называть живого мертвым без последствий не получается. Так чего ж удивляться, что после таких слов наши дети, отцы, мужья, жены болеют, хиреют... Немудрено. Сами мы в семейной брани накликаем на них беду, словом нарекаем их мертвыми.

Страшнее того для души матерная ругань. Это, во-первых, открытое именование детородных органов, что издревле в человеческом обществе считалось признаком наглости, нечистоты. Само слово *наглый* означало человека, способного обнажиться, явиться нагим на людях. Наглого русские с брезгливостью сторонились, как нарушившего завет целомудрия. Во-вторых, матерная брань — намеренное оскорбление человека клеветой. Это обвинение в нецеломудрии не только его самого, но и его близких, родных. Нас часто пытаются убеждать, что матерщина-де возникла в глубокой древности и не имела оскорбительного смысла. Что-де люди были просты как дети. Их плотские отношения были беспорядочны. И это зеркально отразилось в языке. Ложь, намеренная ложь с целью порушить в человеческих душах остатки чистоты!

На протяжении тысячелетий отношения в семье у славян и русских были основаны на строгой верности. Блуд наказывался лютой смертью или в лучшем случае битием. Блуд являлся несмываемым позором для всего рода. И потому до сих пор сохранилось оскорбительное наименование *ублюдок*, то есть рожденный в блуде. Даже намек на блуд — оскорбление. А матерщина — это уже не намек, это обвинение, это бесчестие семье и роду оскорбляемого.

Разумеется, и сегодня мы с вами не позволим никому открыто назвать блудниками наших родителей. А вот матерную ругань, которая означает то же самое, только в наглой, вызывающей, грязной форме, мы почему-то переносим равнодушно. Утешаем себя тем, что сквернословцы ругаются по привычке, что они без мата не могут, просто не умеют разговаривать. Дескать, запретив мат, мы рискуем отучить людей говорить. Так пусть лучше вообще не разговаривают, чем ежечасно оскорбляют друг друга, поносят, клеветают, грязно ругаются над самым сокровенным и дорогим для каждого человека. Отстранение от матерной брани есть наша национальная самооборона, сохранение семьи, детей, близких в чистоте и целомудрии.

Есть еще одна категория скверных слов, которые принято называть жаргоном. На самом деле это специальное наречие преступного мира, скрывающего за непонятными для непосвященных словами свои тайные, опасные для окружающих намерения и планы. Такой жаргон называется блатным. А кто себя именуется *блатными*? Сегодня это уголовный мир России без разбору народов и сословий, но само слово *блат* имеет давнюю историю. Оно ведет свое происхождение из идиша, еврейского жаргона немецкого языка. *Блат* означает *кровь*. Так с советских времен сохраняются у нас выражения *доставать по блату* или *у него там блат*. *По блату доставать* — когда твои единокровные, евреи то есть, тебе помогают добыть желаемое, а *иметь блат* — это когда в нужном месте в нужное время встречаешь своего, опять же еврея, и он тебе помогает. Когда уголовников называют блатными, — тоже понятно, ведь они повязаны между собой кровью, только не собственной, а кровью своих жертв. Из блатного жаргона пришли в русский язык многие слова, которые сейчас кажутся вполне безобидными, на самом же деле они имеют оскорбительный смысл. Так из блатного жаргона мы восприняли слово *быдло*, польское по происхождению, означает — *скот, приуточенный к убою*. Жаргон вбросил в употребление и слово *лох*, оно тоже заимствовано из польского, где «льоха» означает *свинья*. Ребятишек на жаргоне называют *пацаны*, в переводе с идиш — *рабы, слуги*. Попытка унижить и оскорбить, причем совершенная в тайне от непосвященных. Блатной

жаргон — не только и не столько язык, недоступный непосвященным, сколько тайное оскорбление непосвященных, к примеру, чужих для евреев народов, в данном случае — русского. Тайно оскорбить, издеваться за глаза — повадка подлая, трусливая, низкая. И она, как нельзя ярче, отразилась в карточной игре. Наиболее популярна карточная игра в так называемого «дурака», а кто дурак? В этом надо разобраться. Игральные карты созданы специально для поругания Христа со стороны самих же не ведающих о том христиан. Вся символика карт — христианская символика, знаки мученичества и смерти Господа нашего Иисуса Христа на кресте. Сам святой Крест в картах именуется *крести* или *трефа*, причем *трефный на идиш означает скверный*. Знак *бубны* — символ четырехугольных римских гвоздей, которыми пригвоздили Господа к кресту. *Пики* — символ римского оружия, которым было пронзено Святое Тело Господа на кресте. Знак *черви* — образ губки, смоченной уксусом и желчью, той, что пытались напоить Спасителя во время его смертных мук. А мы, христиане, в это «играем», да еще крест называем, прости Господи, *трефой*, не ведая, что это означает, да еще *kozyрем*, то есть *кошерной* картой (*кошерный* означает — *очень хороший, годный именно для евреев*), «побиваем», то есть подвергаем поруганию крест. Такое тайное поругание Христа в обычае у сил зла. Сейчас жаргон вбросил в русский язык новое слово для обозначения выходцев с Кавказа, преимущественно мусульман: *хач* или *хачик*. Но *хач* по-армянски означает крест, *хачик* — это армянское имя *христианин*, и мы, русские христиане, с безразличием и раздражением именуя мусульман, заселивших русские города и села, *хачами*, невольно ругаем *крест* и христианство, исполняя тайный замысел, с которым вброшены эти слова в русский обиход.

Так что выбирайте, люди русские, как говорить и что говорить. И думайте, прежде чем говорить. Ибо слово наше строит нашу судьбу, направляет к добру и ко злу, а отстранение от сквернословия, матерщины, жаргона — наша национальная самооборона.

Христианские истоки русской психологии

Какое чудо нам досталось в наследство — русский язык! А в нем кладезь премудрости — поговорки. Ведь пословицы и поговорки — формулы жизненного уклада народа, премудрость, сверкающая в кристаллах слов.

Как учили, к примеру, ребенка трудолюбию? Разве многократными нудными уговорами — работай, трудись, многого добьешься? Нет. Ясным, единожды услышанным, легко и на всю жизнь запоминающимся правилом — *без труда не выловишь и рыбку из пруда. Любишь кататься — люби и саночки возить!* Внуку запоминалось дедово раздумчивое, вперемежку с воспоминаниями о своей жизни — *деньги могут многое, а правда — все! Вот так и воспитывали* — заветами, оставленными в пословицах, которые детская восприимчивая душа хватает на лету, вбирает в пытливую память, а затем, спустя годы, дорастает до смысла осевшего в сердце неосмысленным прежде грузом.

Весь опыт многотысячелетней жизни скапливает народ в пословицах, чтобы потом этот опыт постигал каждый из нас самостоятельно — на сколько хватит ума и разума. Потому и говорят ученые-лингвисты, что опыт языка многократно богаче личного опыта человека. Надо только успевать вбирать, впитывать этот опыт.

В русских пословицах прежде всего отразилась наша искренняя Вера в Бога. Все великое, праведное, доброе и прекрасное в человеке пословицы относили к действию Божьей силы. Это правильное воззрение до сих пор живо во многих из нас. Чистая совесть именуется у русских гласом Творца: *«Совесть добрая есть глас Божий»*. Крепкое упование на Божий покров над Православной Русью выразилось в поговорке *«русский Бог велик»*. И мы, изучая свою историю от принятия христианства до 1917 года, времени отступничества от Бога и Царя, можем многократно убедиться в этих словах. Вера русских в премудрость, всемогущество и благость Промысла Божия сохранилась в старинных речениях: *«Бог все свое строит»*. *«Богат Бог милостью»*. *«Бог — старый чудотворец»*. Причем каждый русский непременно верил, что обиженный на суде человеческом или

притесняемый сильной рукой, будет отмщен Судом Божиим, и это отразилось в немстительности русского характера: *«Люди с лихостью, а Бог с милостью»*, *«Бог видит, кто кого обидит»*, *«Бог долго ждет, да больно бьет»*.

Утешительная надежда на Божию милость вела к искренней преданности русских Божьему Промыслу. Мы говорили и говорим: *«На Бога положишься — не обложишься»*, *«Бог даст день — даст и пищу»*, *«Бог дал живот — даст и здоровье»*. И вообще про любую потерю, даже если это потеря близкого человека, у нас говорится примиряюще утешительно: *«Бог дал — Бог и взял»*. Но вдумайтесь, как мудр русский человек, ведь такая безоглядность на потери и несчастья не обернулась для нас беспечностью или нерадением. Мы себя всегда остерегаем: *«На Бога надейся, а сам не плошай»*, *«Богу молись, а сам к берегу гребись»*, *«Береженого Бог бережет»*.

И вот как сложилось: русский человек мог быть неграмотен, мог редко заходить в церковь, хотя бы потому, что на громадных просторах России церкви отстояли друг от друга, бывало, и далековато, но, живя по этим пословицам, как по заповедям, русский был и благочестив, и нравственен. Ведь пословицы — это тоже своего рода заповеди, повторяемые дедом и бабушкой малышу-внуку, потом полученные в молодости как благословение от родителей и уже в зрелости передаваемые собственным детям: *«Хваля Бога не погибнешь, а хуля — не воскреснешь»*, *«За Богом молитва, а за царем служба — не пропадают»*, *«Молиться — вперед пригодится»*. Уверенность во всемогуществе Творца и чувство истинности Православной Веры сказывались у русских в том, что никакое дело не начиналось и не оканчивалось без Бога, все освящалось непоколебимым убеждением: *«Без Бога не до порога»*. И за всякое доброе дело до сих пор принято у нас благодарить — *«Спаси Бог»*, так что даже и неверующие русские люди, когда благодарят, говорят — *«Спасибо»*, — поминают Господа и желают спасения оказавшему им милость.

Тысячелетний наш путь русского Православия оказался настолько созвучен душе народной, что книги божественной премудрости «Иисуса, сына Сирахова», сборники «Луг духовный»

и «Цветник», труды Иоанна Златоуста вошли в народные поговорки. Вслушаемся в чтения Св. Писания и в русское эхо Св. Писания: *«Начало премудрости — страх Господень»*. Так говорится в Книге притчей Соломоновых. А в русской поговорке *«В тревогу и мы к Богу, а по тревоге — забыли о Боге»*; *«Жив Бог — жива душа моя»*.

«Милостыня и вера да не оскудевают в тебе», — так говорит Св. Писание, а русская поговорка ему вторит: *«Пост приводит к вратам рая, а милостыня отворяет их»*; *«Не хлебом живы, молитвою»*; *«Вера и гору с места сдвинет»*. А вот чисто русский упорный взгляд на веру: *«Без веры Господь не избавит, а без правды Господь не исправит»*. И это коренное наше основание жизни. Разве не так?

Есть в книге Притчей замечательное утешение всякому страждущему человеку *«Его же любит Господь — наказует, бьет же всякого сына, его же приемлет»*. Ах, как это по-нашему, по-русски, ибо все мы, проходя испытания, не унываем, как правило, а утешаемся русской поговоркой, отголоском святых книг: *«Кого Бог любит, того испытывает»*; *«Кушанье познается по вкусу, а святость по искусу»*.

Правда, правда и еще раз правда, — вот что крепит надеждой жизнь подлинно русского человека. Крепит так, будто он каждый день твердит себе строки из Божественных книг: *«Не погубит голодом Господь душу праведную, живот же нечестивых низвертит»*. И это краеугольный камень нашей надежды, которую мы на все лады перепеваем и переговариваем, как заклинание, как заговор на счастье: *«Кто добро творит, тому Бог отплатит»*; *«Бог отымет, Бог и подаст»*; *«За худое Бог плательщик»*. Как это страшно, согласитесь, как ужасно ожидать расплаты — от Бога! — за все сотворенное тобой худое.

Вспомним наше родное *«Не стоит город без святого, а селение без праведника»!* Слова эти, рожденные вроде бы опытом жизни многих русских поколений, оказываются извлеченными из Святого писания: *«В благословении правых возвысится град, усты же нечестивых раскопаются»*.

Свет премудрости, — сказать бы превыспренно об этих словах, да только русский язык всю выпренную багряницу и золо-

той шелк славянской речи умеет переодеть в свою рогожку. И как по-домашнему хорошо брести в этой рогожке дорогами жизни, помнить, что она скроена по меркам багряницы Священного писания. Сравните. Из книги Притчей слова: *«Господь гордым противится, смиренным же дает благодать»*. Ну-ка, переберем наши рогожки: *«Во всякой гордости черту много радости»*; *«Сатана гордился — с неба свалился; фараон гордился — в море утонул, а мы гордимся — куда годимся?»*. Гордыня в великом неуважении у русского человека: *«Эх, раздайся, грязь, навоз плышет»*; *«Не чванься, квас, — не лучше нас»*. Да и само слово чваниться происходит от славянского слова чван, что значит — кувшин, этакий крутобокий, с двумя гнутыми ручками. Оттого и чванятся гордецы, когда подобно кувшину-чвану голова — кверху да руки — в боки.

Есть в Св. Писании и такие премудрости, которых без русской поговорки, вылепленной по образцу книжной притчи, не понять. Вот, поди-пораздумай, чему учит Св. Писание: *«Не обличай злых, да не возненавидят тебя. Обличай премудра и возлюбит тя»*. А русская поговорка, осмыслив эти слова раньше нас, задолго до нас, готовит всякого православного к тяготам служения правде Божьей: *«Правдой жить — от людей отбыть, неправдой жить — Бога гневить»*.

Правда и ложь — два важнейших понятия. Русские всегда стремились выстроить свою жизнь по меркам добра. И ведь не все из миллионов наших предков читали премудрость Св. Писания: *«Иже утверждается на лжах, пасет ветры, той же поженет птицы парящая»*. А кто и читал, не всегда понимал, что такое *пасты ветер*, или *пасты птиц*, в *поднебесье парящих*. Зато все мы внимаем слову какого-то неведомого нам русского мудреца, который, прочитав и поняв, выразил это для нас русским слогом *«Неправдой свет пройдешь, да назад не воротишься»*.

И уж совсем для нас сегодняшних, кто позабыл свое, родное, добротное, верное, сказано в Писании: *«Из источника чуждаго не пий, да многое время поживеши и приложатся тебе лета живота»*. Сколько сегодня таких, льнущих к чужому: к чужим дальним странам, к чужим суевериям и оболещениям, к чужому

достатку. Это для них из глубины веков, из глубины тысячелетий звучит «Из источника чуждаго не пий!» А кто не усвоил, тому напомнят русские прапрапрадеды в генной глубине всплывающими в нашей памяти присловьями «В чужих руках ломоть велик»; «На чужое добро руки чешутся»; «Не дери глаз на чужой квас»; «На чужой каравай рта не разевай, а пораньше вставай да свой затевай»; «Чужим хлебом да чужим умом недолго проживешь»; «Эх, чужая одежда не надежа».

Вот опора наша — сокровища Св. Писания и народная премудрость русских пословиц — идущие рука об руку, а мы ищем философов, ученых, политологов, президентов, премьер-министров, чтобы они нам объяснили, как нам жить.

Да это не они, а мы должны им объяснять, как им, беззаконным жить, и как спастись от гнева Божьего. Это мы им должны напоминать слова книги Притчей: «Не пользуют сокровища беззаконных, правда же избавит от смерти». Это мы им должны говорить, что «заработанный ломоть лучше краденного каравая», что «хоть гол да прав», что «на Руси еще не все честные люди повымерли».

И хотя не спросишь их по-славянски, потому что не поймут: «Аще праведный едва спасается, нечестивый и грешный где явится», зато по-русски мы можем им надежно пообещать — «быть вам в раю, где горшки обжигают».

Русский крепок на трех сваях: «авось», «небось» и «как-нибудь»

Еще Достоевский в своем «Дневнике» сетовал, что иностранцы не хотят и не могут понять России и русского народа. И поныне преподаватели русского языка как иностранного всегда жалуются на трудность разьяснения носителям западноевропейских языков — английского, немецкого, испанского — русского понятия совесть. Слова, имеющего аналогичное значение, в этих языках нет. *Self-consciousness* — самосознание — не передает того, что вкладывается в значение совести русскими. А если нет слова, нет и понятия, которое стоит за этим словом. Так

что западноевропейцев можно считать по сравнению с нами, русскими, абсолютно бессовестными.

В украинском языке, который сегодня претендует на тысячелетнюю историю, отдельную от истории русского языка, существует весьма своеобразное слово для русского понятия *благородство*. По-украински благородство — это *шляхетство*, очевидное польское заимствование. С точки зрения широго украинца, *благородный* — это шляхтич, происходящий из богатого и знатного сословия, не более. А по-русски *благородство* — это состояние души, так можно сказать только о человеке, происходящем из благого, то есть доброго, благочестивого рода, чем определяется красота внутреннего мира благородного человека. Украинец, знающий, что помимо польского *шляхетства* есть еще русское *благородство*, духовно выше своих самостийных сородичей, ибо среди человеческих достоинств признает не только знатность происхождения, но и благочестие семьи и рода.

Взглянем на наши различия в языке с восточными соседями. В русском языке есть слово *счастье*, оно этимологизируется как *своя часть*, как доля, выпадающая каждому человеку от Бога. Доля эта может быть трудной, полной испытаний и невзгод, но с точки зрения русского человека — все равно счастье, ибо дарованная от Бога судьба, твоя часть общего земного пути, пройденного твоим народом. А вот в Китае иероглиф счастья — *свинья под крышей*. То есть в понятие счастья китайская языковая картина мира вписывает материальное благополучие, сытость, богатство, что для русского языкового сознания неприемлемо.

Когда мы говорим о своеобразии русского самосознания и русской картины мира по сравнению с другими народами, то речь идет не о матрешках, спутниках, водке и прочих номинациях русского своеобразия материальной культуры или техники. Мы, русские, интересны остальному миру другим, — своим духовным взглядом на бытие, именно эта духовность отражена в ключевых словах нашего языка — *совесть*, *счастье*, *благородство*. Контакты с этим, неведомым иностранцам миром притягивают всякую личность, задумывающуюся о смысле жизни. Не

зря у нас существуют хоть и редкие, но примеры, когда люди иных национальностей и совершенно чуждых культур становились русскими святыми подвижниками. И первый тому образец — американец о. Серафим Роуз, святые сестры Александра и Елизавета Федоровны, немки по происхождению, но подлинно русские святые.

Еще в 1937 году Иван Александрович Ильин предложил различать понятия культура и цивилизация. Цивилизация — совокупность бытового, внешнего, материального. Культура — явление внутреннего, духовного. Культура и цивилизация различаются словарем. К цивилизации Ильин относит жилище, одежду, пути сообщения, технику; к культуре — человеческие добродетели: «Пусть в немецком городе чистота и орднунг, пусть сверкает блеском кухня немецкой фрау, но расчетливому немцу явно недостает русской доброты, душевной мягкости, христианского смирения».

Вот примеры разных национальных типов поведения. Выдающийся русский лингвист А. А. Шахматов, получив письмо от своих земляков, крестьян Саратовской губернии о царящем там голоде, отказался от места адъюнкта Российской Академии наук и уехал на родину, чтобы помочь крестьянам преодолеть голод и эпидемию. С другой стороны, великий Гегель, получив приглашение работать в престижном университете, живо откликнулся письмом к ректору: «А сколько кулей полбы я буду получать за свои услуги университету?». И все это естественно отражается в языке: в русском мы знаем формулу владения — *у меня есть*. Это данность, естество, это не завоевывается, это то, что дано и точка. А в немецком формула владения — *Ich habe*, в английском — *I have*. Хочу обратить Ваше внимание, что у нас этот глагол представлен в форме *хавать*, а еще в жаргонном — *хавать*. Завоевательность, напор, стремление заполучить любой ценой кроются в корне этого слова, не зря в русском языке оно получило столь пренебрежительный оттенок.

А что, в самой России ее власть, ее интеллигенция, они что, понимают русский народ? Власть желает управлять народом, так как ей вздумается, управлять как скотом, как быдлом, а интеллигенция, главным образом, художественная, научная,

желает угодить власти, и в угодливом раже старается «понять народ», найти общий язык с народом, представить властям положение народа, но так, чтобы образ мысли народа в ее выводах был угоден работодателям из Кремля. Поэтому на протяжении многих лет русский характер изображался русской интеллигенцией не иначе как слабый и безвольный, русский труд, как вечная халтура: *авось сойдет*, русское воинство, как непомерное пролитие крови, как пушечное мясо: *небось одолеем*. Вечные страдания, нытье, пустые разговоры — вот неизменный облик русского мужичка в нашей литературе, в великой русской литературе.

И поговорку нашу русскую воспринимали мы всегда с шутливо-скептической ухмылкой по отношению к самим себе: «Русский крепок на трех сваях — авось, небось да как-нибудь». Только ухмыляться тут не над чем, просто давно позабыт истинный смысл этих удалых слов. Нет у нас более точной и более меткой русской поговорки о русском народе. Ведь что такое *авось*. Это сложное слово, возникшее из словосочетания, точно также как родились наши исторические сочетания слов — *ахти, восвоеси*. Вот и *авось* когда-то состояло из трех слов — *а — во — се*, что значит «а вот так»! То есть восклицание *авось!* означало: человек крепко, упорно, уверенно стоит на своем и поколебать его очень трудно.

Небось тоже состояло когда-то из трех слов: *не — бо — се* и значит оно буквально — «нет, не так»! или «как бы не так»! — отчетливое стремление действовать наперекор — врагам ли, обстоятельствам жизни, трудностям природы, — не суть. Таковы две сваи русского характера: *авось* — «а вот так»! сделаю, как задумал, как считаю верным, настою на своем; и *небось* — «как бы не так»! сделаю наперекор всему! Верно сказано: русский крепок на трех сваях — авось (а вот так!), небось (как бы не так!). Третья свая русского характера — *как-нибудь*. Слово *как-нибудь* не имело прежде значения ущербного разгильдяйства, лености или халтуры. *Как ни будь* означало — любым способом достигнуть цели, дойти до нее даже наперекор здравому смыслу, как бы то ни было, чего бы это ни стоило, во что бы то ни стало. *Как ни будь!*

Вот он истинный смысл очищенной от лживой коросты, от всего наносного, напридуманного, очень точной русской поговорки «*Русский крепок на трех сваях — авось (а вот так!), небось (как бы ни так!) и как-нибудь (во что бы то ни стало!)*».

И разве не оправдал наш народ этой поговорки в истории, упорной борьбы за свое не только духовное, но и физическое существование. Разгромив хазарский каганат, монгольскую империю, турецкую империю, польское королевство, шведское королевство, наполеоновскую французскую империю, гитлеровский третий рейх, народный характер наш прошел такую школу, которой не знал ни один народ в мире, мы уже инстинктом, нутром чуем необходимость испытаний как горнила, закаляющего тело и душу «*Не терт, не мят — не будет калач!*».

Наша русская жизнь — всегда ход против течения, отсюда и поговорка — «*по течению плышет только дохлая рыба*». Всякий раз, когда случается на Руси беда, а **беда** по-русски означала исконно *иго, порабощение*, так вот при нашествии беды нам всякий раз приходилось доказывать и врагам нашим, и самим себе, что мы не мертвые, а живые, что плыть по течению не в наших обычаях, что мы от меча и тягот никогда не бегали и бегать не собираемся.

Вот грянула на Русь новая беда — иго жидовское, а это значит, что пришло время снова доказывать, что *русский крепок на трех сваях — авось, небось и как-нибудь*, и пусть враги думают вокруг, что-де этот легкомысленный, ленивый, привыкший все терпеть и все сносить народишко склонит выю под очередной грабеж и разор. Благо наша творческая интеллигенция их в этих иллюзиях не разубеждает. Это даже и хорошо, что наши писатели, политологи, социологи, журналисты видят русских жалкими Акакиями Акакиевичами, созерцательными Алешами Карамазовыми, вот Гитлер и Розенберг тоже изучали Россию по произведениям русских писателей, и, разумеется, не узрели там ни силушки богатырской, ни волюшки молодецкой, ни стойкости, ни подвига, а времена Ильи Муромца да Тараса Бульбы почли за давно минувшие. Вот сочли Гитлер с Розенбергом этот наш критический реализм за настоящую правду, да и поговорку про авось наверно внимательно изучили, как

пример русской слабости, и положили свои выводы в основу плана «дранг нах остен». Каково же было их изумление, когда встретили немцев в России не Смердяковы и Свидригайловы, и не Платоны Каратаевы, а настоящие русские воины, разглядеть которых русская литература до сих пор не удосужилась. И хорошо! Неожиданность, как известно, обезоруживает врага. А русские воины на Руси не перевелись. И русские **авось, небось и как-нибудь** в их подлинном смысле до сих пор живы в нас.

Авось выстоим — вопреки невзгодам и предательству, продажной бессовестности властей.

Небось не замаешь — наперекор наглому оккупанту и грабителю.

Как-нибудь эту напасть переможем — любой ценой силу вражью своей поистине богатырской мощью одолеем.

Оглавление

КАК ИСТРЕБЛЯЮТ ВОИНСКИЙ ДУХ ПРАВОСЛАВИЯ	3
Иудео-христианство под маской православия	3
О сопротивлении злу силой	5
Не всякая власть от Бога!	9
Есть и эллины и иудеи!	12
О книжниках и фарисеях	16
Воинский долг христианина	22
Несение Креста	26
КАК ПОДТАЧИВАЮТ В НАС ВЕРУ	33
Почему терпеть, смиряться и быть в послушании – христианские добродетели?	33
Что означают «покаяние» и «прощение»	37
Кто для нас «ближний», «искренний», «друг»?	42
О языке молитвы	46
Как русский перевод меняет смысл Слова Божьего	49
Жжёт душу грех	53
РУССКОЕ СЛОВО И РУССКАЯ КРОВЬ	58
Что нас, русских, объединяет в народ?	58
Почему мы называемся славянами и русскими?	61
Ключи русского самосознания	65
Русская кровь – не миф, а научный факт	67
Русские, украинцы, белорусы: один язык, один род, одна кровь	71
Русский язык – ксенофоб	76
Чернословие	80
Христианские истоки русской психологии	84
Русский крепок на трех сваях: «авось», «небось» и «как-нибудь»	88

Выходные данные типографии